

Густав Даниловский

Мария Магдалина



Густав Даниловский
Мария Магдалина

«Public Domain»

1912

Даниловский Г.

Мария Магдалина / Г. Даниловский — «Public Domain», 1912

«Среди мрачных, словно выжженных недавним пожаром, бесплодных окрестностей Иерусалима гора Елеонская, закрывавшая Иерусалим с востока, и долина Кедронская составляли благословенное исключение. Пологий откос глубокой лощины, непосредственно примыкающий к городским стенам, был еще полон мусора и звенел отголосками крикливой суеты беспокойной столицы, но за извивавшимся на дне котловины потоком, называемым Зимним, уже расстилалась зеленая мурава, а несколько шагов в сторону привлекал к себе взоры тихий Гефсиманский сад. Позади него возвышалась высокая гора Елеонская, яркая от зелени и подернутая голубоватым туманом. Там, среди деревьев, белели маленькие домики и усадьбы. На уступах горы зеленели виноградники и плантации фиговых деревьев. Остро подымались стройные пинии и одинокие кипарисы...»

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Густав Даниловский

Мария Магдалина

* * *

Введение

Польский писатель Густав Даниловский – поэт жизни, писатель борьбы и энтузиазма, изведавший всю горечь и боль жизни.

Любовь руководит Даниловским во всех его произведениях, любовь к слабым, обиженным, страдающим и угнетенным («Него», «Сочельник»).

Любовь рисует ему грозные, предостерегающие видения современной цивилизации, основанной на общественных противоречиях и эгоизме («Поезд», «На острове»).

Негодуя на не правды бытия, уходя в низы жизни, где царит удушливый мрак, мучительная боль и гнетущая тяжесть, Даниловский выносит оттуда «Ласточку», роман из жизни учащейся и революционной молодежи, и повесть «Из минувших дней». В этих произведениях он рисует ряд типов, ряд поколений, погибших во имя идеи мученичества в борьбе за свободу. Эта идея, этот романтизм чувства вел деда на бой за свободу Польши, отца в вихрь общественной борьбы, а ребенка в погоне за волшебным цветком папоротника затягивает в трясины. В «Ласточке» Даниловский рисует страдания и муки революционеров, как почетный венец, и исход видит только в одном – в непримиримой борьбе с угнетателями.

Герои Даниловского гибнут не за свои грехи и не за грехи отцов, а во имя страстного стремления принести себя в жертву, погибнуть ради любви.

Таким же страстным стремлением пожертвовать собой во имя далекого идеала проникнут последний роман Даниловского «Мария Магдалина» – произведение сильного и мощного таланта, написанное искренне вдохновенным художником.

Произведение это, вышедшее впервые в Галиции, во Львове, в 1912 году, было конфисковано. Такая же участь постигла его во всех странах Европы. И конечно, папа внес его в список книг, запрещенных католикам.

Наконец, в Австрии этот роман появился благодаря некоторому обходу закона.

В Австрии есть закон, согласно которому все речи депутатов рейхсрата печатаются стенографически и распространение их ни в коем случае не может быть запрещено. Польский депутат Регер внес запрос министру юстиции: на каком основании министр запрещает печатать результаты свободного научного исследования в виде романа писателя Даниловского «Мария Магдалина». А для подкрепления своего запроса Регер прочитал на заседаниях рейхсрата весь роман от крышки до крышки. Его чтение попало в стенографический отчет, и роман в тысячах экземпляров разлетелся по всей Австрии.

У нас, в России, во времена царизма не только строжайше было запрещено самое произведение, но даже за мою статью о нем и краткое изложение содержания романа, напечатанные в «Вестнике иностранной литературы» в 1914 году, редактор журнала был привлечен к ответственности по обвинению в богохульстве и кощунстве и приговорен к тюремному заключению.

Только теперь это художественное, поэтическое произведение может, наконец, появиться в России свободно на свет.

С. Михайлова-Штерн

Глава 1

Среди мрачных, словно выжженных недавним пожаром, бесплодных окрестностей Иерусалима гора Елеонская, закрывавшая Иерусалим с востока, и долина Кедронская составляли благословенное исключение.

Пологий откос глубокой лощины, непосредственно примыкающий к городским стенам, был еще полон мусора и звенел отголосками крикливой суеты беспокойной столицы, но за извивавшимся на дне котловины потоком, называемым Зимним, уже расстилась зеленая мурава, а несколько шагов в сторону привлекал к себе взоры тихий Гефсиманский сад.

Позади него возвышалась высокая гора Елеонская, яркая от зелени и подернутая голубоватым туманом. Там, среди деревьев, белели маленькие домики и усадьбы. На уступах горы зеленели виноградники и плантации фиговых деревьев. Остро подымались стройные пинии и одинокие кипарисы.

Как сеть спутанных белых тесемок, извивались по всем склонам тропинки. В воздухе мелькали нежные горлицы; проносились голуби, которые бросались в ветви могучего кедра, как только издали показывалась рыжеватая, тающая на солнце тень ястреба.

Точно от играющего ветерка колебались травы и хлеба и пряно испускали свой аромат белые и голубые иссопы, мята, чабер, шафран, раскрывали пурпуровые чашечки лотосы; на лугах расцветали конский щавель, высокая рута и дивные розы Сарона.

Западный склон горы, менее выжженный солнцем, был еще более плодороден, более роскошен, и тут-то и находилось одно из самых живописных мест окрестностей Иерусалима – деревушка Вифания. Из высокой Вифании перед путником расстился чарующий вид на крутые побережья Иордана, синие скалы далекой Пиреи, суровую пустыню Мертвого моря и неясный силуэт гор Моава.

Самая деревушка, окруженная венком буков и платанов, состояла из нескольких скромных домиков, среди которых выделялся стоящий несколько в стороне дом из тесаного камня, с деревянной галереей, поддерживаемой красивыми резными столбами из кедрового дерева.

Двор и сад окружены были каменной стеной, роскошно увитой розами, плющом, козодоем и другими вьющимися растениями. На всей усадьбе лежал отпечаток достатка и бережливости: цистерна посреди двора прикрыта плитами из тесаного камня, дорожки усыпаны щебнем. В небольшом, тщательно возделанном саду маслины, фиговые деревья, золотистые шелковицы, цветник и небольшой виноградник. Украшением сада была редкая в здешних местах величественная магнолия.

Усадьба эта принадлежала Симону, по прозвищу Прокаженный, а арендовал ее Лазарь, который вместе со своими сестрами переселился сюда с берегов озера Геннисарет, из местечка Магдалы.

Неизмеримо тяжело было Лазарю покидать цветущую Галилею, но неприятности, испытываемые от жены и ее родственников, стали так невыносимы, что, согласно библейскому изречению: «лучше жить в пустыне, чем со злой и сварливой женщиной», он из чудесной плодородной страны переехал в безводную Иудею и поселился на горе Елеонской, напоминающей своей свежестью и растительностью родные места...

Это был шаг необыкновенной энергии со стороны человека, который от самого своего рождения был беспомощным, нелюдимым и неспособным к реальной жизни мечтателем, погрузившимся в мираж смутных, неопределенных грез о нездешних мирах, в глухую тоску о давно минувших временах непосредственного общения с Предвечным, временах блестящих царей и ревностных пророков избранного народа.

Слабый, с больными легкими, часто впадающий в длительные обмороки, Лазарь только формально считался главою дома, в действительности же бразды правления находились в руках

предусмотрительной и хозяйственной Марфы, которая неутомимо работала с самого раннего утра до вечерней звезды, В этом труде, которому она иногда отдавалась с какой-то яростью, Марфа находила исход своим буйным жизненным силам, прибежище от тяжелой заботы о больном брате и от суеверного ужаса перед своей младшей сестрой Марией Магдалиной, живущей в чаду безумия.

Недаром матери Марии, когда она носила ее, снилось перед самыми родами, что от нее родится ветер, смешанный с огнем, – дочь ее с самых юных лет стала оправдывать этот вещий сон.

Живая, как пламя, впечатлительная, необычайно привлекательная, и в то же время рассудительная, в детские годы она была радостью и светом своей семьи. Но по мере того, как развивалась ее грудь, тесно становилось ей дома, душно и неудобно на узкой циновке девичьей спальни. Что-то неведомое гнало ее в луга, рощи, вольные поля, на пригорки, к водам, где она вместе с пастухами отдавалась своевольным шалостям, лукавой беготне, а потом тайным поцелуям и мимолетным ласкам, от которых расцветала ее красота и загоралась ее кровь.

Еще узкая в бедрах, она уже пользовалась славой несдержанной ветреницы, а вскоре потихоньку стали шептать, что и девичество ее нарушено. Пошли сплетни, оскорблявшие память ее матери, что недаром красивый греческий купец, много лет тому назад бывший в Магдале, так щедро одарил перед своим отъездом семью Лазаря, оставив ценную камеею с магической надписью, а также целую штуку узорчатой материи для будущего потомка, которым оказалась Мария.

Действительно, своим тонким правильным носиком, розовыми, маленькими, как раковины, ушами, роскошными золотисто-красноватыми волосами Мария резко отличалась от общего типа семьи Лазаря – чернокурых брюнетов. И только ее фиолетовые, продолговатые, в часы спокойствия сонные и влажные глаза, да некоторая ленивая томность в движениях, свойственная известным своей красотой женщинам Галилеи, напоминали ее мать.

Несмотря на такую дурную репутацию, Марию все любили. Стройная, белая, точно вышедшая из молочной купели, от малейшего волнения розовеющая, словно утренняя заря, с пурпуровыми устами, полураскрытыми, как бы лопнувший цветок граната, она поражала своей неодолимой красотой, обезоруживала обаянием своей жемчужной улыбки, а длинными ресницами и протяжным ласкающим взглядом привлекала наиболее суровых. Живостью ума и пламенным темпераментом она умела так глубоко захватить и привлечь к себе простодушных жителей родного местечка, что они прощали ей ее легкомыслие.

– Кто же может носить огонь за пазухой и не сгореть от него? – говорили они в ответ на упрек непримиримых.

Это мягко-дружелюбное отношение повлияло на Марию успокаивающе. Она стала обращать внимание на свое поведение, а так как все обвинения против нее были основаны исключительно на догадках и, вопреки злорадству многих, она не забеременела, то клеветники скоро умолкли.

Между тем догадки их были на самом деле справедливы, но только они ошибались в личности соблазнителя. Это вовсе не был смуглый и гибкий, как тростник, молодой рыбак Саул, но тяжелый, некрасивый, волосатый Иуда из Кариота, оборванный бродяга, который скитался по всей Палестине, доходил до края обоих морей, блуждал по берегам Нила, посетил Александрию и даже жил недолго в далеком, таинственном Риме, грозной резиденции железных легионов Цезаря.

Красноречивый, лукавый, хранивший в своей большой рыжей голове хаос необычайных мыслей, а в груди под заплатанным плащом скорпионы мощных желаний и самолюбивых стремлений, сильный и беспринципный, он сумел воспламенить воображение экзальтированной девушки, овладел ее мыслями, опутал их ловкими софизмами, а юношескую кровь разжег до такой степени, что, улучив минуту, преодолел ее сопротивление и, овладев ею силой, долго

держал ее под очарованием своей власти. Боясь последствий, он вскоре исчез так же внезапно, как и появился.

После его исчезновения Мария угасла, как бы впала в сонное забытие, и, хотя она привязалась к Иуде не столько сердцем, сколько пробудившейся страстью, душу ее заволокла печаль, а сердце разъедала горечь разочарования.

Состояние это продолжалось довольно долго. Но едва только притупилась острота сердечной раны, распаленная жажда наслаждений вспыхнула с неудержимой силой. Открытая настежь бездна чувственных наслаждений поглотила ее всецело, и после переселения в Иудею Магдалина повела свободную жизнь, пользуясь в Иерусалиме широкой известностью и успехом.

Веселые пиры, распущенные оргии, разврат, доходивший до безумия, сходили ей безнаказанно, ибо она имела сильных покровителей, между прочим и племянника Гамалиила, самого знаменитого в те времена ученого, имевшего сильное влияние на своих единоверцев и широкие связи при дворе.

Марфа в отчаянии видела, что сестра ее радостно утоляет жажду из каждой встречной криникорень, незаметно подлила отвар сестре в пищу и едва не отравила Магдалину. Мария тяжело расхворалась, но скоро выздоровела, и дьявол разврата, Асмодей, вновь принялся за свои соблазнительные проделки. Тогда Меер заявил Марфе, что, по-видимому, демон успел уже пробраться в почки, а раз он забрался так глубоко, то только одно чудо сможет выгнать его оттуда, да и притом, как говорят все, Марию опутал не один, а целых семь демонов.

Марфа была совсем уничтожена. Она пыталась было примириться с горькой судьбой, хотя это не давалось ей. Она чувствовала, что жизнь сестры не только вредит всей семье, но – что хуже – соблазн вползает в сердце самой Марфы, Приносимый домой Магдалиной угар веселых оргий, аромат чувственных наслаждений временами одуряли Марфу, возбуждая непристойное любопытство, а иногда, по ночам, ее даже охватывали приступы греховных желаний и навещали нескромные видения.

Она пыталась было жаловаться на Магдалину Лазарю и даже прибегала к влиянию почтенного Симона. Но Лазарь полагал, что худой мир лучше доброй ссоры, и не хотел ни во что вмешиваться, а Симон дал двусмысленный ответ:

– Душой тела является кровь, пока она кипит и горит страстями, а щедрый, Марфа, дает и не скупится.

Марфа не поняла, что хотел выразить старец, но почувствовала себя обиженной. Казалось, что Симон низвел ее на роль убогой от рождения, а добродетель ее считал не заслугой, а доказательством убожества.

Задетая за живое, она схватила металлическое зеркало и стала рассматривать себя. В зеркале отражались прекрасные, черные, влажные глаза, роскошные, синевато-черные, волнистые волосы, белоснежные зубы и полные, ярко-пурпуровые губы с соблазнительным пушком на верхней. Цвет лица был, правда, несколько смуглый, но зато Марфа сама залюбовалась во время омовения своими белыми, гладкими, как слоновая кость, бедрами, стройной талией, опоясанной широким поясом, почувствовала тяжесть полной крепкой груди и задрожала какой-то стыдливой дрожью скрытого могущества.

– Ошибаешься, старик, – думала Марфа, вспоминая, как в Магдале она, бывало, ходила за водой с кувшином на плече и не было юноши, который не стремился бы начерпать ей воды, а при встрече пошалить с ней, схватить за руки, перегнуть назад. И хотя Марфа всегда оставалась победительницей в такой борьбе, но домой она возвращалась, испытывая удивительную тяжесть в ногах, проводила вечер в лихорадочном ознобе, а по ночам вся горела огнем.

– Высока ценность тяжело дающейся добродетели, стоит она гораздо дороже, чем легкая и щедрая распущенность, – Марфа намеревалась преподнести это изречение Симону, но в пылу разговора высказала сестре все, что накопилось у нее в душе.

Магдалина, казалось, слушала сначала ее стремительные упреки совершенно спокойно, но когда Марфа стала грубо упрекать ее в погоне за прибылью, вспыхнула:

– Ты ошибаешься, Марфа, я не люблю их золота так же, как их самих. Замерло сердце мое, хотя и раскрыты объятия мои... Предвечный наградил тебя добродетелью, а жилы мои наполнил огнем... Легко отворяется при каждом нажатии калитка моего виноградника, ты же – словно колодец, покрытый тяжелой плитой. Поэтому и спорим мы с тобой, как спорит застоявшаяся вода с огнем, свободно несущимся по ветру... Дай мне что-нибудь! Что-нибудь большее, чем веретено, более вечное, чем кудель!.. Что ты мне дашь?.. Горох чистить, кур щупать, перья драть? Ты хочешь, чтобы я предпочла чад и дым твоей печи ароматному пламени в амфорах?.. Ленивый ход жизни – шипучему вину, ссоры с рабами – звону арф, нежному напеву флейт и тому разноязычному, звучному говору, тому ропоту восторга, который поднимается вокруг, когда я мчусь в танце в легких сандалиях... и смертельному безумию, когда я одним движением отброшу тунику и предстану нагая, прекрасная, как я есть?.. Я предпочитаю щипать мощный затылок Ионафана, он смеется тогда, как конь, откидывает голову назад, как кентавр, стонет, когда я отталкиваю его и не даюсь ему, и я чувствую тогда, что я живу. Что ты мне дашь взамен тех одурманивающих, как цветы, нежных и своевольных, как золотые рыбки, стихов, которые умеет так чудесно шептать мне на ухо грек Тимон? Что ты мне дашь? Скрипение жерновов, мычание осла? О, я в тысячу раз больше предпочитаю циничную грубоватую речь Катуллия, который хлопает по плечу каждую девушку, когда и где только возможно, заразительно смеется, а если разгорится, словно породистый жеребец, то говорит своим возлюбленным страшные и дикие слова, чтобы довести их до безумия...

Ну, что ты мне дашь? Ничего! Ничего! – повторила она с отчаянием и убежала к себе.

После этого столкновения Магдалина долгое время не покидала своей комнаты, не допускала к себе никого, кроме верной рабыни Деборы, которая молча приносила ей пищу и питье и так же безмолвно уносила прочь нетронутые кушанья, Марфа думала, что сестра делает это нарочно, все ей назло. Но в таких поступках Магдалины было нечто совсем иное, более длительный и тяжелый, чем всегда, припадок меланхолии и печали. В такие минуты она испытывала впечатление глубокого одиночества. Ей казалось, что она так одинока, как затерянный шалаш в пустыне, как покинутая на море ладья, которую уносит и топит волна, но ни унести ее далеко, ни утопить окончательно не в силах. Ей казалось, что она проводит свою жизнь в кругу каких-то половинчатых радостей, в лихорадочном поиске чего-то неуловимого, что живет и тоскует в ней самой, но никак не может вылиться в определенное желание.

Она чувствовала в такие минуты отвращение и ненависть к своим поклонникам, жадно стремившимся к ее телу, словно стадо к свежей траве. Все такие одинаковые и так похожие друг на друга. Она приветствовала их улыбкой врожденного кокетства, надеялась получить от каждого нечто большее, нежели волнение крови, и постоянно обманывалась... Изысканный патриций и обыкновенный солдат не разнились ничем: первый нежнее обнимал, второй только сильнее возбуждал.

Она ни разу не испытала безумной до замирания последнего следа мысли ласки. Вся ее эротическая изобретательность, которую она так умела возбуждать, доводила ее только до дикого припадка полнейшей распушенности, после чего обыкновенно следовали острая боль и горькое сожаление, что кое-что в наслаждении ускользает от нее, проходит мимо. Безумие крови разрывало ее жилы, но не возбуждало души. Обнимали ее мощные плечи, прекрасные руки, достойные кисти художника, но не прижал к себе ни один... Лгнули к ней многие, но не прильнул никто... Ее дивное тело, казалось, было изменчивой волной, через которую проплывали мужи только затем, чтобы перейти к следующей. Полны были ее уста поцелуев, но пуста девичья чаша ее сердца.

Эта пустыня чувств иногда раскрывалась перед ней, как вопиющая бездна, и тогда наступали дни одиночества, полные горьких слез и вызывающей громким голосом тоски. Мария пере-

ставала наряжаться, разрывала на себе одежду, словно в трауре после покойника, и ждала откуда-нибудь спасения, каких-нибудь новых потрясающих волнений, захватывающей радости или нечеловеческого страдания.

А так как ниоткуда не было никакого спасения и ничто не приходило, то после взрывов безумного отчаяния, мучительной борьбы с самой собой, печальных дум, странных планов и решений следовал период полнейшего затишья, душевного замирания. Мария, как подкошенная, падала на ложе, спала долгим, крепким сном и просыпалась, уже забыв про пережитые впечатления, словно выздоровев от долгой болезни, отдохнув душой и телом, переполненным жаром тихо, но неустанно нарастающих страстей.

Так было и на этот раз.

Опытная Дебора по одному только удару молотка в бронзовую плитку поняла, что кризис миновал. Она быстро вскочила с циновки, на которой лежала у порога комнаты, и подбежала к широкому ложу, устланному яркими коврами.

Мария слегка приоткрыла отяжелевшие веки, раскрыла отуманенные, влажные зрачки и ленивым взглядом окинула коричневое тело полуобнаженной рабыни.

Дебора дрожала от волнения. Ее продолговатое лицо с ярким египетским типом потемнело еще больше от жаркого румянца, заливавшего ее до самой шеи, ибо госпожа ее, переняв некоторые обычаи греческих гетер, допускала ее иногда к своему роскошному ложу, желая испытать в гибких объятиях обожавшей ее невольницы утонченное и нежное наслаждение.

Вздрагивая, Дебора приблизилась к ложу, и моментально угасла, видя, что розовые веки Марии снова закрылись.

С минуту продолжалось томительное молчание. Наконец, Мария сонно спросила:

– Который час?

– Уже миновала четвертая стража и тени стали короткими, – хрипло и с трудом проговорила Дебора.

– Четвертая, – лениво повторила Мария, и с наслаждением потянулась.

Легкое покрывало соскользнуло на каменный пол вместе с прядями курчавых волос, обнажив прекрасное, теплое, розовое ото сна тело, гладкие, атласные руки, круглые бедра, пышную грудь, сеть мелких голубых жилок в изгибах.

У Деборы кружилась голова от восторга, она закрывала глаза и до боли сжимала проколотое ухо, пытаясь унять волнение крови.

– Пора вставать, жарко уже верно. Я ужасно заспалась, – болтала Мария.

Полежав еще немного в задумчивости, она медленно повернулась, уткнулась лицом в подушки и вся утонула в пушистых волосах, закрывших, словно рассыпавшийся сноп пшеницы, затылок, плечи, спину и край постели.

– Собери!

Искусные, черные пальцы рабыни погрузились в светлое зарево, расправляя локоны, ловко приводя в порядок кольца цвета яркой меди. Расчесанные пряди волос вскоре превратились в один пламенный поток, отливавший золотом с переливами цвета красного дерева.

Дебора разделила этот поток на две части и стала свивать его в косы.

– Пахнут еще?

– Одурающе.

Дебора спрятала лицо в шелковистых извивах волос и, обезумев, ничего не сознавая, стала покрывать их поцелуями, а потом прижалась пылающими губами к белоснежным плечам...

– Но! – капризно защищалась Мария, пряча в подушках прекрасные плечи, – ты щеко-чешь меня, чернуха!

Она весело засмеялась и стала шаловливо отталкивать прислужницу маленькой ножкой, нечаянно попала ей в грудь и воскликнула:

– Ну и здорова же ты! Грудь словно тыквы! Ты, наверно, уже давно изменяешь мне; скажи, с кем?

Мария усадила рабыню рядом с собой, обвив ее своей прекрасной рукой, сиявшей словно мрамор на коричневом теле египтянки.

– Я, госпоже? – с искренним ужасом, широко раскрыв глаза, прошептала Дебора.

– Отчего же и нет? Испытай... Меня уже многие спрашивали про тебя, ты уже в летах. Полногрудая, широкобедрая, гибкая и тонконогая. Тебя охотно возьмут, хорошо заплатят, я дам тебе приданое, и иди в свет...

– Никогда!

– Ну, скажите, какая привязанность. За что?.. Разве я уже так добра к тебе? Помнишь, как я избила тебя сандалиями, а тут, – она показала на шрам на руке, – у тебя еще остался знак от моей шпильки...

Дебора прижалась губами к израненному месту и, покрывая его поцелуями, твердила:

– Бей меня, терзай, мучь до крови – я хочу, я люблю...

– Любишь, – задумалась Мария, – странно, я также люблю, но немного. Я не знала раньше этого. Но как-то однажды сладострастный Катуллий, когда я довела его до безумия, стал хлестать меня моими же косами. Сначала мне было очень больно, а потом я ослабела. Каждый удар страшно возбуждал меня, красные полосы палили меня, словно железные, огневые обручи. Я укусила тогда его до крови соленая и липкая... Люблю дразнить юношей, для того и существуют эти животные. Но издеваться над тобой! Вскоре ты сама станешь жертвой их лошадиной силы и грубых объятий.

Дебора дрожащими пальцами стала укладывать кудри Марии в высокую прическу, согласно греческой моде, с одинаковой ловкостью действуя как правой, так и левой рукой. Работала она довольно долго, так как волосы Марии были весьма своевольны, а она не любила носить много перевязок, предпочитая им одну только сетку из тонкой золотой проволоки.

Когда рабыня кончила, Мария подошла к дорожному зеркалу из полированной меди и залюбовалась сама собой.

В высокой прическе, словно в золотом шлеме, она выглядела действительно великолепно, напоминая олицетворенную богиню победы. Долго и с восхищением присматривалась она к своему отражению, наконец, торжествующая шаловливая улыбка появилась на ее губах, обнажив мелкие, ровные, словно жемчуг, зубы.

– Морщинка!.. Смотри, у меня морщинка, – притворялась Мария испуганной, показывая Деборе очаровательную складочку на точеной шее, – а тут темное пятнышко, – указывала она на прекрасную родинку на левом плече.

Между тем Дебора надушила воду в бассейне благоуханиями, но Мария не захотела купаться, а велела сделать обливание и затем вытереть себя досуха грубой тканью.

Обмывая госпожу, Дебора рассказывала ей все окрестные новости, говорила, кто спрашивал о ней, сообщила о подарке, присланном молодым Нетейросом, сыном богатого Сомия. Это был бронзовый подсвечник, изображавший танцовщицу, стоявшую на голове. Ноги служили подставкой для лампочки. Мария весело смеялась над остроумной выдумкой и восхищалась мастерской работой ювелира.

После обмывания Дебора достала шкатулку с красками и притираниями, но госпожа велела убрать ее, подать ей мелкие деревянные сандалии, золотую цепочку на шею и голубое платье с разрезными рукавами, схваченное золотой пряжкой на левом плече, свободно ниспадавшее на грудь и спину.

– А сегодня никого не было?

– Был какой-то человек из Галилеи.

– Из Галилеи! – обрадовалась Мария, вспоминая прекрасную страну детских лет и ранней юности. – Где же он?

– В саду вместе с Марфой и Лазарем, – ответила Дебора, завязывая сандалии красивыми бантами.

– Убери все! – приказала Мария, взяла веер из пальмового листа, чтобы хоть немного укрыться от солнечного жара, и сбегала по каменной лестнице в сад искать прищельца, Под тенистой магнолией, уже издалека, она увидела силуэт внимательно слушавшей Марфы, сторбленную фигуру опирающегося на посох Симона, лежавшего на циновке бледного Лазаря и оживленные жесты больших рук сидящего к ней спиной мужчины.

Она подошла ближе и задрожала: она узнала большую голову и широкие плечи, покрытые рваным, грубым, выцветшим от солнца верблюжьим плащом. Это был Иуда из Кариота, которого она не встречала уже давно, со времени его непонятного исчезновения.

Лазарь восхищенным взглядом окинул Марию и ласково улыбнулся ей. Иуда встал и приветствовал ее словами:

– Предвечный да пребудет с тобой!

– Да благословит тебя Предвечный!.. – согласно обычаю ответила Мария голосом, притихшим от тревоги и беспокойства.

– Садись, – пригласила сестру Марфа, – Иуда принес интересные новости.

Мария послушно присела, полузакрыв глаза длинными ресницами. Только теперь, когда Иуда занялся опять разговором, она окинула его быстрым, беспокойным взглядом.

Он совсем не изменился. Это было все то же, опаленное солнцем, обветренное лицо, с глубокими, неопределенного цвета глазами, смотревшими несколько лукаво и дерзко из-под густых, неровных бровей. Большой, крючковатый нос придавал его лицу хищное выражение. Резкие скулы с чувственными губами, борода цапли, рельефные шишки на лбу и курчавые, торчащие словно рожки, рыжие волосы делали его похожим на сатира. Это впечатление еще усиливалось толстыми, грубыми сандалиями, невольно приводившими на память мысль о копытах, волосатыми ногами, настолько запыленными, что даже не заметно было ремешков от сандалий.

– Над тихим озером Геннисарет, – продолжал Иуда, – засиял новый свет. Сейчас это только начало светлой зари, но завтра уже может быть огонь, медная туча, гром и землетрясение.

– Какой-то необыкновенный пророк появился в наших краях, сын, помнишь, плотника Иосифа и прекрасной Марии, дочери Иоакима и Анны, родом из Назарета, по имени Иисус, – объяснял Лазарь Марии.

– Изгоняет злых духов и демонов, – многозначительно и со вздохом заметила Марфа.

– Может быть, так же, как и Баарас? – вспомнила Мария.

А когда Иуда стал уверять, что он сам видел, как из дома исцеленной бесноватой выбежал демон в образе красивого юноши, который забрался в больницу, когда она шла за водой, то шаловливые огоньки забегали в глазах Марии при мысли о том, сколько такого рода нападений демонов пережила она сама когда-то на цветущих лугах Магдалы.

– Исцеляет лунатиков, прокаженных и одержимых, – говорил Иуда, – женщина, много лет страдавшая кровотечением, исцелилась той силой, которая исходит от него, только прикоснувшись к краю его одежды. Учение свое он излагает притчами, собирает вокруг себя убогий люд, учит и крестит водой.

– Как Иоанн, – сказал Симон.

– Иоанн, – прервал его Иуда, – что Иоанн? Он только умеет скорбеть да упрекать, предвещать беды и поражения. Как будто бы до сих пор мало выпало их на долю народа израильского. Он бы охотно сорвал последний плащ с плеч каждого иудея, одел бы его в сермяжный мешок, загнал бы в пустыню, в терновый шалаш, и кормил бы натошак саранчой. Иисус воду претворил в вино на радость пирующих в Кане Галилейской, грехи прощает людям, не умножает их забот, хотя не мир принес он на землю, а меч и суд, как он сам говорит. А царство на земле он обещает отдать не тем, которые накладывают тяжелое и невыносимое бремя на

наши плечи, а сами не двинут и пальцем для облегчения его, но именно нам, угнетаемым и обижаемым, нам, которыми так презрительно кидаются священники, холодные, насмешливые саддукеи, и толкает ногой, как собаку, первый попавшийся легионер...

– Ты увлекаешься, слишком увлекаешься, Иуда, – резко вмешался Симон, поднял вверх руку и продолжал взволнованным и прерывающимся голосом:

– Давно уже не посылал нам великих пророков Предвечный, но все больше и больше появляется среди нас шарлатанов, вносящих сумбур в умы, волнующих общество обманщиков и совратителей. Разрослись ложь и несправедливость, словно плевелы, по всей земле нашей. Откуда ты знаешь, что он тот истинный, настоящий, за которого он выдает себя? Разве мало было и есть таких пророков, которых следовало бы изгнать навеки из среды народа и предать проклятию при звуках козьих рогов и свете черных свеч.

– Он творит чудеса, – заворчал Иуда.

– Но силой кого? Бога или князя тьмы? Иуда впал в угрюмую задумчивость. В голове его мелькала неясная мысль, что собственно решительно все равно, чьей силой творить чудеса, лишь бы достигнуть намеченной цели, а Симон продолжал:

– Мне все это кажется весьма сомнительным. Прочитай Писание и там ты увидишь, что из Галилеи никогда не может появиться истинный пророк, Ты знаешь поговорку; разве может быть что-либо путное из Назарета.

Иуда очнулся, подумал и вдруг неожиданно процитировал с пафосом:

– «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем ты не меньше княжеств Иудиных. Ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля». Именно в Вифлееме, куда отправился Иосиф, – там он был приписан по безбожному декрету Цезаря – исполнились дни Мариины, там родила она сына... Из Вифлеема происходит Иисус. И знайте еще, – добавил Иуда таинственно, нервно поводя плечами, – из дома Давидова, как высчитали и узнали мы, происходит он.

Последние слова Иуды произвели сильное впечатление на слушателей. Лазарь приподнялся немного, как бы пытаясь встать, лицо его смертельно побледнело. Симон как стоял на месте, так и застыл в этой позе с поднятой вверх головой: казалось, что он всматривается потухшими, выцветшими глазами в далекое небесное видение; Марфа не сводила встревоженного и беспокойного взгляда с мужчин, словно искала на их лицах истину.

Меньше всех была взволнована Мария: она уже слишком далеко отошла от верований, надежд и тоски своей среды, чтобы оценить важность принесенных известий и чувства, возбуждаемые ими. Кроме того, она не доверяла Иуде, прекрасно помня, какие сказки рассказывал он ей раньше, и подозревала, что все это он говорит далеко неспроста.

Мария справедливо оценивала Иуду, но только отчасти.

Иуда был действительно по натуре своей лукав, часто лгал, но не всегда сознательно. Очень часто он просто не в силах был бороться со своим кипучим воображением и бурным темпераментом, так легко перебрасывающим его из одной крайности в другую. Его яркая фантазия бессознательно окрашивала действительность в те краски, которые он сам желал в ней видеть и показать другим.

Необыкновенно способный, несмотря на отсутствие образования, он обладал порядочным запасом то тут, то там нахватанных сведений, отличался проницательным умом и большим житейским опытом, умел быстро ориентироваться в запутанных делах и вопросах того странного, непонятного мирка, раздираемого внутренними распрями, но сдавленного железным кольцом римлян, какой представляла из себя Иудея в те времена.

На этой постоянно потрясаемой внутренними землетрясениями и пылающей скрытым огнем почве Иуда с ранней молодости основывал свой храм самолюбивых грез – возвыситься во что бы то ни стало, хотя бы пришлось для этого перейти через грязь и кровь. Но отсутствие

выдержки в его планах, словно фурия поспешности, гнало его с места на место, обращая в прах все ловко задуманные интриги.

Шли года, а Иуда по-прежнему оставался все тем же бездомным бродягой. Некоторое время он носил белые одежды, платок и топорик ессеев, живших жизнью общины, но не выдержал испытаний сурового ордена, изгоняющего из повседневности всякое наслаждение, как зло. Потом он решил стать искусным знатоком Священного писания, но ни сухая схоластика, ни туманный мистицизм не могли примириться с его живым, реально настроенным умом.

Будучи затем довольно долгое время на службе у священников-саддукеев, он проникся их холодным эпикуреизмом и в глубине души стал сомневаться в святости предписаний суровой обрядности. Только в мелких сумятицах, волнениях и уличных буйствах он чувствовал себя в своей стихии, но всегда умел вовремя отступить, когда дело принимало неблагоприятный оборот.

И при появлении Иоанна Крестителя он быстро присоединился к нему, считался его ревностным последователем, но потом позорно отрекся от него, тем более, что аскетическое учение сурового анахорета слишком противоречило его полному жадных стремлений характеру.

Встреча с Христом произвела на него необыкновенно сильное впечатление.

Чарующая личность прекрасного пророка, который не избегал вина, цветов, веселья и женщин, а в то же время собирал вокруг себя простой люд и утверждал, что первые будут последними, а последние первыми, мало заботился об обрядности, отрицал долгие молитвы и посты, устранял преграду между людьми и Вечным в лице обманчивого священства, а в туманных, неясных притчах как бы предвещал разрушение существующего порядка, – все это захватило Иуду.

С большим интересом слушая равви, он полной грудью ощущал свежесть и привлекательную новизну его учения. Он был уверен, что это несомненно муж Божий, но совершенно иной, чем прежние пророки. Как будто бы и верный закону, но на самом деле отступник от закона, разрушающий старое, строящий новое, удивительно снисходительный к слабым, униженным, заблудшим и грешным, суровый по отношению к сильным и добродетельным фаризеям.

Все это увлекало Иуду, но в то же время заставляло его опасаться последствий, и, несмотря на то, что в душе он был его горячим последователем, Иуда все-таки долгое время тщательно скрывал истинное настроение своей души, сохраняя вид равнодушного зрителя. Но, когда Иисус стал говорить о приближающемся царствии своем и об участии в нем своих учеников, а его, несмотря на его дурную репутацию, не только включил в число ближайших, но даже выделил, назначив хранителем казны, – Иуда понял это царствие вполне материально, увлекся и стал мечтать о таких почестях, о которых раньше не смел и думать и которые теперь казались ему вполне возможными, близкими и верными.

Видя, как увеличивается число последователей учителя, как растут его влияние и значение, Иуда стал верить, что это, может, есть тот предвещаемый, больший чем пророк, которого так страстно призывал униженный народ Израиля, муж мести и суда. Иуда стал верить, что он возьмет в свои руки власть и силу и принудит все народы и языки служить ему...

Ошеломленный и пораженный этой новой мыслью, Иуда отдалился несколько от Иисуса, дабы остаться одному, уяснить свои сомнения и догадки. Для этого он отправился в Иерусалим.

Иуда понимал, что завоевание Галилеи еще ничего не значит, пока Иудея и столица ее Иерусалим – святыня всего народа, твердыня и опора священства – не подчинятся власти Христа. Отправляясь в Иерусалим, Иуда имел в виду еще и такую цель: нащупать почву и там сейчас же начать действовать сообразно с обстоятельствами. В Иерусалиме он скоро убедился, что об Иисусе здесь слыхали весьма смутно и слабо, почти ничего, кроме каких-то глухих известий, выслушиваемых весьма пренебрежительно, как тысячи других подобных слухов, в избытке приносимых со всех концов мира в этот живой, шумный и болтливый город. Встре-

тив скептическое отношение и настроение, Иуда решил действовать крайне осторожно. Всем своим рассказам об Иисусе он стал придавать тон, сообразуясь с настроением окружающих его слушателей: то ревностной веры, то энтузиастического экстаза, а то недоверчивого скептицизма, тщательно скрывая свою личную связь с новым равви.

Среди многих новостей он услышал известие о том, что семья Лазаря находится в Вифании и что знаменитая иерусалимская гетера Магдалина, о которой он уже кое-что слышал, есть именно Мария. В нем ожили воспоминания. Как живой, встал перед ним образ прекрасной девушки и пережитых с ней безумных наслаждений. Он вспомнил ее угрюмую печаль и тихие слезы после совершенного им насилия, а затем ночи, полные то дерзко-безумных, то нежно-трогательных ласк...

Запылало перед его глазами зарево роскошных волос Марии, вспомнилось ее чудное тело цвета созревающей пшеницы, полуоткрытые яркие губы, словно цветок одуряющего мака, затуманенный блеск фиалковых глаз, круглые, шелковистые, как олива, белые, как голуби, груди...

Иуда выбежал из дома, наткнулся на полуразрушенную стену и с глухим стоном стал перебрасывать камни, пытаясь хоть физическим усилием утишить волнение крови. Припадок миновал.

Но с этого момента ожившая, хотя и вовсе не сердечная, но мощная чувственная любовь, то прежнее искреннее страстное чувство, которое некогда охватило его на берегу Геннисаретского озера, подавило и заглушило все остальные мысли и стремления. Агитация в пользу учителя и все связанные с этим планы и намерения – все было забыто. В сердце Иуды, горевшем огнем желаний, в душе, терзаемой сомнениями, то полной надежд на ласковый прием, то охватываемой отчаянием и уверенностью, что его оттолкнут с презрением, в хаосе безумных противоречивых мыслей, в расстроенных нервах, на запекшихся губах, заслоняя собой все остальное, жил очаровательный образ, зачатый в одном только слове; Мария.

Неоднократно уже направлялся Иуда на гору Елеонскую, но всякий раз возвращался назад. Он прекрасно понимал, что в Вифании он встретит уже не смиренную, покорную ему девушку, но гордую, окруженную роскошью, надменную, избалованную и разборчивую гетеру, которая легко может посмеяться над ним, может прогнать его, как собаку, или милосердно пошлет ему через ничтожную рабыню, словно нищему, миску пищи и несколько оболков.

– С чем я приду? Что я скажу? – думал он и вдруг вспомнил об Иисусе и решил пойти к Лазарю во имя его и с вестью о нем...

В таком настроении он прибыл в Вифанию и был ласково принят богобоязненной семьей.

Со свойственной ему впечатлительностью он настолько увлекся своими собственными рассказами, что даже появление Марии взволновало его гораздо меньше, чем он сам ожидал. Иуда, к удивлению своему, не утратил ни нити рассказа, ни власти над собой, вот это-то сознание собственной силы и придало ему смелость оказать дерзкое сопротивление по отношению к уважаемому и почитаемому всеми Симону.

Но зато по волнению и восторженному состоянию Марии он понял, что еще не все потеряно, что Мария относится к нему далеко не безразлично. Жгучими взглядами впивался Иуда в нее, стараясь проникнуть в ее мысли, но видел только роскошные, почти красные на солнце волосы, бело-розовое лицо, полное ленивого спокойствия, длинные опущенные ресницы и великолепные, цветущие формы тела, едва заметно обрисовывающиеся под легким платьем. Несколько выдвинутая вперед маленькая ножка, белевшая на траве, словно горсть снега, поглотила на время все его внимание.

Нервная дрожь пробежала по его лицу, он закрыл глаза и вздрогнул, словно от холода.

Все приняли такое состояние Иуды за проявление мистического экстаза, не поверила одна только Мария. Она быстро встала и, напевая какую-то фривольную греческую песенку,

совершенно противоречившую общему настроению, не замечая удивленных взглядов семьи, легким эластичным шагом прошла через сад и скрылась в сениях.

Настроение было нарушено.

Марфу поведение сестры совсем расстроило, она поспешила похлопотать об ужине. Но ни белый хлеб, ни мед, ни кувшин с вином не в состоянии были разогнать воцарившееся после ухода Марии молчание.

Суровая сосредоточенность Симона и мечтательная задумчивость Лазаря повлияли на Марфу. Иуда ел рассеянно, всматриваясь то в прозрачную даль, то в колеблющиеся на песчаной дорожке солнечные пятна и дрожащие тени листьев...

Он раздумывал, как ему понять поведение Марии. Она, правда, ушла, но без гнева, напротив, словно заманивая его веселой песенкой. Кому же она пела, как не ему? Ведь не добродетели Марфы она пела, не убожеству Лазаря и не седой старости Симона?..

Сердце Иуды сильно билось, грудь вздымалась, и, пристально глядя на плоскую крышу дома, в ту сторону, где находились комнаты Марии, он говорил себе:

– Должен... и войду туда ночью!..

Глава 2

Придя к себе, Мария велела Деборе убрать комнату, как можно роскошнее и красивее, покрыть шкурами и коврами весь пол, достать из сундуков и развешать по стенам яркие занавеси, расставить на столах статуэтки, подсвечники и различные безделушки из бронзы, мрамора и перламутра, приготовить ароматную купель и повязки для волос.

Дебора торопливо суетилась по комнате, а Мария, проводя пальцами по струнам псалтири, шаловливо усмехалась своим собственным мыслям.

Мария знала уже теперь наверное, что Иуда приходил к ним главным образом ради нее. Она заметила, какое впечатление произвела на него, и знала, что он придет ночью.

Она решила сначала ослепить его роскошью, поиграть с ним, дать надежду, а потом оттолкнуть. Так она отомстит ему, не за то, что произошло в ту памятную безумную ночь на лугу, заросшем цветами, травами и лещиной, на берегу, под лазурный шепот озера. Это должно было случиться не с тем, так с другим из ее поклонников. Иуда оказался только более смелым и дерзким, как и пристало мужу.

Мощны и жгучи были его объятия, словно обручи раскаленного железа; как пылающие клейма горели его порывистые поцелуи на ее груди, губах, бедрах и плечах. Ошеломляющими казались дикие взрывы его хищной страсти и глухое, непонятное, таинственное, словно первобытная речь, бормотанье бессвязных слов, смесь ласки, сладострастия и бесстыдства. Он осилил ее, как лев ягненка.

Те памятные, звездные ночи, холодные до неистовой дрожи, а в то же время парные и душевные, она проводила вместе с ним на ароматных травах, превращаясь из гибкой девушки в розовую, изнеженную и страстную женщину.

При этом воспоминании закипела кровь Марии, и легкое чувственное возбуждение, словно прикосновение крыльев мотылька, пробежало вдоль спины.

Он имел все: ее первый крик, стон, стыд – и ушел от нее, оставил, покинул ее.

Мария дернула струны, положила инструмент на колени и загляделась на подаренную ей одной финикиянской небольшую статуэтку богини Астарты с продолговатыми глазами и маленьким ртом, что должно было изображать наивысшую степень красоты. Правой рукой богиня указывала на свое лоно, что должно было означать безграничность любовных утех, а левой на полные груди, вместе с широкими бедрами и вздутым животом говорившие о том, что она – извечная плодородная мать всего сущего.

Мария знала, что это та таинственная богиня, которая возбуждает желания и любовь всех живых творений. Это она соединяет птиц в гнездах, животных в лесах. Это она – всемогущая госпожа всех таинств тела, прославляемая в недоступных святынях бесчисленными жрицами.

Она слышала рассказы об устраиваемых в честь этой богини таинствах, в которых принимают участие сотни танцующих девушек; одни одетые по-мужски, опоясанные фаллосами, другие в разрезных платьях, открывающих при каждом движении обнаженное тело.

Эти посвященные богине девушки приносят ей в жертву свое девичество и навсегда остаются в храме на службе Астарте. Знаком их посвящения является божественный треугольник, украшение, завивание и умщение которого составляет предмет их постоянных стараний и забот. Они совершают омовение в покрытых золотыми плитами бассейнах, в окрашенной пурпуром воде, потом ополаскивают дочиста свое тело, кроме волос, которые с течением времени принимают окраску застывшей крови. На закате солнца, принося себя в жертву богине, они отдаются прохожим, Потом они зажигают лампы в большой зале, устланной вышитым звездами ковром, ложатся рядами и грезят среди звезд.

Когда пробуждается заря, они встают, поднимают кверху розовые ото сна лица, красные головы, гибкие руки и поют гимн, прославляющий странно-противоречивые свойства богини:

извечную плодovitость и извечное девичество, чистейшую непорочность и сладострастье без границ.

Она знала, как боготворят эту богиню женщины Востока и какие моления возносят они ей.

Потом Мария вспомнила угрюмую и страшную богиню Гекату, дочь Титанов, блуждающую во мраке, бодрствующую над криками родильницы и радостно внимающую ужасному вою собак, избиваемых на ее алтарях.

Она вздрогнула и с наслаждением перевела взгляд на алебастровую статуэтку богини Афродиты, которой приносят в жертву благоуханные розы и воркующих белоснежных голубей, посвящают цветущие зеленые рощи, полные веселых обнаженных девушек.

«Но над всеми и всем царит Предвечный», – пронеслось тревожное сомнение в ее душе.

Он невысказанный, неизвестный, страшный, мстительный и суровый. Насколько нежнее его Афродита, милостивее Астарта, прекраснее солнцекудрый Аполлон. Как прекрасны эти боги, ищущие красивейших женщин! Эти веселые чужие боги заполняют воды, луга и рощи златокудрыми нимфами, хороводами пирующих вакханок, а себя украшают венками из роз и виноградных листьев, увлекаются мелодичной песней и неуклюжими играми сатиров.

Магдалина вздохнула и подумала: чего наш народ стыдится, тем другие народы, как скульптурой, украшают колонны и двери храмов и домов, а на страже лесов, широколиственных деревьев и уютной, созданной для свиданий, тенистой рощи ставят божества любви.

«У нас все грешно, все непристойно, – думала она, – все запрещено суровыми предписаниями жестокого закона! А там, на широком востоке и западе, мир, ликующий радостью жизни, где любовь и восторги не считаются грехом, но даром богов, предметом искусства и религиозного обряда! Тут только стонут покаянные псалмы, а там на чудном эллинском языке поют свадебные песни, нежно звенят струны и уносятся девушки в легком танце».

Мария подняла вверх руки, сладко потянулась и поймала в сложенные ладони проскользнувший в щель луч заходящего солнца.

Инструмент соскользнул с колен и, падая, тихо зазвенел всеми струнами.

Мария потянула воздух ноздрями и почувствовала одуряющий аромат мирры и благовоний, несшихся от бассейна, в который Дебора погрузила по локоть темные руки.

Когда рабыня распустила в воде благовония, Мария быстрым движением сбросила платье и сандалии, погрузилась в бассейн, потом раскачалась слегка, любясь взволновавшейся водой, описывавшей вокруг нее широкие круги, и, разыгравшись, как сирена, стала брызгать на Дебору водой; окунулась на миг, вынырнула и ловко, словно пантера, выскочила на циновку. По ее покрасневшему телу пробежала мимолетная дрожь озноба.

Она схватила край покрывала и укуталась белоснежной тканью, облепившей ее, словно золотистая оболочка. Дебора между тем просушивала волосы, разделяла их на пряди, продушивала благовониями, заплетала в бесчисленные косы, локоны, кудри и художественно укладывала на голове.

Мария вытиралась, медленно развертываясь из своей оболочки, словно постепенно возникающая перед зрителем статуя, говоря:

– Приготовь желтый, шитый серебром пеплум и не забудь налить оливы во все лампы, чтобы хватило до самого рассвета. Галилеянин придет сюда.

Дебора удивленно посмотрела на свою госпожу.

– Как?! Этот, в латаном плаще? – изумленно спросила она, тем более, что Магдалина, ради родных, никогда не принимала здесь мужчин.

– Что ты понимаешь, – смеялась Магдалина, – он гораздо интереснее, чем любой красавец, Сильный, как центавр, грудь как у гладиатора. Правда, ноги и руки у него жилистые и волосатые, и он нескладный и тяжелый, но с ним порядком измучишься, пока он устанет. Я

знаю его, он наверно придет, но я отправлю его ни с чем, можешь воспользоваться им, если хочешь, – не пожалеешь!

«Отправлю ни с чем», – повторила она про себя и вспыхнула от раздражения, смешанного с гневом, вспомнив, что он осмелился покинуть ее, отдавшуюся ему такой девственно-юной и чистой, осмелился расстаться с той, из-за которой безумствует столько людей, готовых растратить ради нее все состояние. Если б она только пожелала, ей бы пригоршнями сыпали золото и драгоценности. А он не истратил ни обола, получил все даром и оставил ее, как недопитый кубок.

Мария отбросила прочь покрывало, туго стянула поданную ей перевязку, заколола ее снизу и села в кресло с высокими поручнями, Машинально положила она на пододвинутую скамеечку белые ноги, и пока Дебора шлифовала ногти и покрывала их краской, Мария погрузилась в вечно дорогие воспоминания о стране детства, о холмах, лугах и озере Галилеи. Она почувствовала аромат родных лугов, полных иссопа, фиалок, мяты. Мелькнули перед глазами красные одуряющие цветы олеандра. Зазвенели колокольчики возвращающихся домой стад. Вспомнились загорелые лица пастухов. Засинела в прозрачном воздухе лазурная гладь озера.

Она увидела, словно в мираже, игры купающихся сверстниц, тот день, когда притаившиеся молодые рыбаки поймали ее и чернооую Сару в сети и заласкали, разнежили их до потери сознания, пока не прибежали старшие.

Ей вспомнились леса, шаловливые игры и беготня взапуски. Вспомнилась та удивительная слабость в ногах, когда ее догонял стройный Саул, хватал за талию, подкидывал вверх и целовал в губы. Нервные, визгливые крики убегающих подруг, а потом веселое, возбужденное возвращение в Магдалу, куда она бежала иногда разгоревшаяся, оживленная, болтливая, а иногда медленно тащилась, как бы опьяневшая, полная ленивой, сладкой истомы, Окутали ее воспоминания, нежные, как облако, как пух одуванчика, вспомнились первые девичьи любовные волнения, свидания с затуманившимися от стыда глазами, объятья украдкой у колодца, возбуждающие, полные огня, нечаянные толчки на сенокосах и, наконец, Иуда, а потом – якобы случайные встречи с другими, когда она вопреки своим твердым решениям отдавалась вся, под влиянием какого-то неведомого безумия, неудержимых сил природы, таинственных влечений, таких чуждых и далеких от того утонченного разврата, среди которого она жила теперь.

Глубокий вздох вырвался из ее груди, губы задрожали от горя и жалости, туман застлал глаза, и смиренным движением, словно подчиняясь чему-то роковому, неизбежному, Мария склонила голову, чтобы дать Деборе осыпать волосы голубоватой пудрой, подрисовать кисточкой изгиб бровей и окрасить пурпуром губы.

Мария встала, чтобы надеть длинный, затканый серебром пеплум из желтого шелка с широкими рукавами. Легкая, почти прозрачная материя мягкими складками окутала ее фигуру; спереди и сзади были глубокие вырезы. Платье с одного бока от талии донизу было не зашито, а только слегка скреплено крест-накрест тройным зеленым шнурком, позволяя видеть, словно сквозь решетку, стройную ногу.

Посмотрев с гордостью и упоением на свое отражение в зеркале, Мария велела подать шкатулку, и, после некоторого раздумья, выбрала ожерелье из бледных кораллов и подвесила к нему застежку в виде ящерицы, спустив ее на грудь. Потом накинула на себя теплую хламиду и вышла на крышу.

Шла четвертая стража. Быстро погасло жаркое солнце и надвигалась ночь. Отдаленный блеск солнца еще блуждал по скалам, но на темно-синем небе уже загорались толпы ярких звезд.

В долинах густел мрак и постепенно воцарялась сонная тишина.

Где-то вдали двигался огонек, должно быть, факела, мычал запоздавший бык, и отвечал ему глухо и протяжно пастуший рог.

Плиты крыши, накалинные солнцем, согревали ноги Марии, а лицо обвевал бодрящий холодок, от которого ежились плечи.

В усадьбе еще было заметно движение, слышался голос Марфы, что-то раздраженно объяснявшей рабам, торопливые шаги, задвигание ворот, запирающие калитки и тяжелый кашель Лазаря.

Мария долго следила за золотистой узенькой стрелкой света на песке, вдруг погасшей.

Наступило долгое напряженное молчание. Марию охватило некоторое беспокойство, она внимательно прислушивалась, но улавливала только шум в ушах, биение пульса в висках и тревожный шорох листьев.

Ей стало необычайно холодно, скверно, одиноко и горько на душе, губы жалобно искривились, ей хотелось щипать кого-нибудь, кричать, топтать ногами и плакать, как вдруг тихонько за скрипела лестница и затрещали половицы галереи.

Глаза Марии заблестели, она быстро соскользнула с крыши и вбежала в комнату, красную от света лампочек, прикрытых стеклышками окрашенной пурпуром слюды.

– Идет! – шепнула она, задышав, Деборе, упала на ложе, покрытое шкурами, высыпала на бронзовую тарелочку жемчуг и бисер и дрожащими руками стала нанизывать его на шелковую нитку.

Когда Дебора вернулась с сообщением, что Иуда просит позволения войти, Мария была уже совершенно спокойна, и шаловливая, торжествующая улыбка играла на ее губах.

– Скажи ему, что он может войти, но сама останься за дверями и, если я закричу, то зови на помощь весь дом.

Дебора вышла.

Через минуту на пороге появился Иуда. При ярком свете ламп его серый плащ заблестел, как чешуя, а рыжие всклокоченные волосы казались пылающими. В красных отражениях света он производил впечатление демона, остановившегося у врат рая. Иуда огляделся вокруг и прищурил глаза, ослепленный светом и неожиданным роскошным убранством комнаты.

– Взойди, гость, под смиренную крышу мою, омой свои усталые ноги, там есть вода в бассейне и полотенно, – заговорила Мария и, не вставая с ложа, продолжала нанизывать жемчуг.

Плечи Иуды повело нервной дрожью, он обратился к Марии с потускневшим нахмуренным лицом и произнес глухим голосом:

– Ты живешь, как царица!..

– Ты говоришь сказки. Если ты хочешь знать, как я живу на самом деле, то спустись с горы, перейди Кедрон и поверни направо, а когда увидишь в стороне белый домик с колоннами из мрамора, спроси про Мелитту Гречанку и сошлись на меня, тогда тебя впустят в дом. Четыре рабыни покажут тебе вещи, достойные того, чтобы ими любоваться. Ты познакомишься с моим мужем и моими сокровищами.

– Мужем! У тебя есть муж? Ни Марфа, ни Лазарь ничего не говорили о нем.

– Да они и не знают.

– Кто же он?

– Я же сказала тебе уже. Мелитта Гречанка из Эфеса, красавица с курчавыми волосами, голубоокая и гибкая, словно тростник.

– Мелитта?

– Да. Она так увлеклась мной, что мы, по обычаю их земли, сочетались браком. Приемной матерью была Коринна. Я ждала у нее в украшенном пальмовыми листьями алькове, в белой вуали, напудренная золотой пудрой и благоухающая. За мной прибыла Мелитта в мужской тунике и увезла меня в прекрасной колеснице при звуках свадебных гимнов и музыке тимпанионов и флейт в свой украшенный розами дом. Сюда я удаляюсь только тогда, когда устану от городского шума или затоскую о своих. Чего же ты стоишь, словно столб? Садись на табуретку.

Иуда тяжело сел и смотрел на Марию тупым взглядом.

Мария полулежала, опершись на локоть, залитая красноватым светом, шаловливо улыбаясь, исподлобья, а в то же время кокетливо, смотря на него фиалковыми глазами. Она запустила руки в полную жемчуга чашку и нанизывала его на нитку, совершенно поглощенная своей работой.

– Да, Иуда, я пережила с ней более нежные и утонченные ощущения, нежели грубые объятия мужчин. Своими длинными ресницами, словно поцелуями мотылька, она дразнит меня. Трепещут ее груди на моей груди, в чаще черных кудрей, словно месяц в ночной глубине, светится ее бледное от наслаждения лицо, дрожат розовые уста на моих губах, а потом, как трудолюбивая пчелка, скользят по всему моему телу, не минуют ни одной чаши наслаждения, каждую заденут дрожащей лаской поцелуя. Как нежная мать, она согревает меня теплом своего тела и, как дитя, кормится у сосков моей груди. Она прекрасна, гибка, шаловлива и весела. У нее черные усики на верхней губе, полные руки и стройные белые ноги. Можешь ее иметь, если ей понравишься – без денег, она вовсе не корыстолюбива. Как ты думаешь, Иуда? – болтала Мария.

– Странные вещи рассказываешь ты, – пробормотал Иуда. – Чем странные? Это вам только кажется, олухи, что мы без вас жить не можем. Сравни прелести ваши и наши: мы осыпаны красотой, как виноградными гроздьями. Что вы такое? Бесплодный кактус. Вы скучны, однообразны и неподвижны в своих проявлениях любви, непристойны и грубы.

Лицо Иуды исказилось мукой. Он чувствовал, что она просто насмехается и издевается над ним. Слова ее производили на Иуду впечатление ударов кнута, гнали его в какую-то бездну отчаяния.

– Где ты бродил, где бывал? Рассказывай, – спросила она уже более серьезным тоном и, отбросив в сторону нитку жемчуга, села, закинув руки на голову.

Иуда поднял опущенную голову и видел, словно в розовом тумане, словно во сне, ее чарующее лицо, окруженное, как пламенем, растрепавшимися вокруг локонами, тонкие до локтя, а дальше округленные руки, обнаженные почти до плеч. Его охватила глубокая печаль, и он заговорил бессвязно, словно припоминая:

– Бродил я от моря и до моря, был на берегах морей Красного, Тивериадского и Мертвого – горько оно и пустынно. Плавают на нем, озаренные солнцем, черные глыбы, словно обуглившиеся трупы неведомых созданий. Я перешел Иордан, тонул в болотах Семехонитиса, жгло меня солнце пустыни. Измерил я вдоль и поперек пески от Сирии до Идумеи, от Самарии до Моава, пока ремни сандалий не впились в ноги мои. Как истощенный шакал пробирается в города, как ищет гиена падали, так тебя я искал... Мария! Мария!

– Ушел, чтобы искать...

– Ушел, да! Но что я мог тебе дать... Вместо крыши – шалаш, сплетенный из терний, вместо ложа – циновку из тростника и мешок под голову. Оттого я и убежал, но не в силах был убежать... Ты заступала мне путь, В золотистых туманах песков сияли мне твои волосы. Из меловых скал выглядывало твое белое лицо. На вздымающихся волнах я видел твою волнуемую грудь. Ты являлась мне в небесных облаках, в мерцании звезд, в сиянии месяца. Пылали кости мои, горели внутренности мои. И все от тоски по тебе. И спереди, и сзади, отовсюду окружала меня неугасимая жажда, скрутила невыносимым ярмом все мои члены. Ты распяла меня, превратила в огонь мою кровь, и она пылает с тех пор неугасимо... Я долго искал и, наконец, узнал, что Магдалина – это ты, и пришел.

– Чтобы предложить мне терновый шалаш и мешок с соломой, – прервала его насмешливо Мария, – дешевый купец!.. Я не уличная женщина, которая за деньги отдается первому встречному. Мне золотом платят, понимаешь, сокровищами со всего мира. Я могла бы, если бы захотела только, купаться в жемчугах, валяться в кораллах! Но я не стремлюсь к богатству. Деньги ничто для меня. Должна загореться кровь моя, вспыхнуть желание мое!.. Все, что я

имею, это не плата, но воспоминание, благодарность. Ты должен мне принести величайшую памятку, а что ты принес мне, что? Что?

– Пока еще ничего, но вскоре принесу больше, чем ты думаешь, ожидаешь и предполагаешь.

– Откуда?

– Ты слышала о назарейяине Иисусе, который явился в Галилее? Знаешь ли ты, кто он такой и кем он будет?.. Не всем можно сказать это... – он понизил голос, – но тебе я скажу: это, может быть, тот, сильнейший, чем Илья, которого от начала мира предвещали пророки, которого, томимый тоской, ждет целые века народ израильский. Он говорит о царствии своем, говорит, что оно скоро наступит. Обещание это подтверждается чудесами, которые я видел сам... А царство это должно быть могущественнее трона Соломонова – ты понимаешь – трона Соломонова?

Таинственный голос Иуды, в связи с туманными разговорами Лазаря, страхом перед именем пророка Исаии и славой Соломона слились в какое-то суеверное чувство, и Мария тревожно отвечала:

– Понимаю...

– От восхода и до заката солнца будет простираться его власть, и столица его будет могущественнее и сильнее, нежели Рим. Понимаешь?

– Понимаю! – повторила Мария и, уже очнувшись от минутного суеверного страха, недоверчиво заглянула в пылающие глаза Иуды.

– Виссоном и пурпуром покроются плечи его, падут перед ним ниц народы и языки, в прахе склонятся сильные мира сего... Царским венцом увенчает он чело свое, скипетр в руке его, а сбоку...

– Ну, допустим, что так и будет, – сказала Мария, – что он действительно станет царем. Что от того мне и тебе?

– Как! – удивился Иуда. – Ведь кто-нибудь должен стоять близко к трону его, в блеске славы его, искусный советник, опытный в делах мира сего? Кто же будет им? Ведь не простодушный Петр, не тяжелодумный брат его Андрей, вдобавок еще левша, не колеблющийся Фома или неотесанный Варфоломей, не придурковатый Филипп, не беспомощный Иаков и не Иоанн, все достоинство которого звучный голос, слышный, словно громовые раскаты. Эти простаки достойны только того, чтобы, самое большее, нести край его мантии. Кому же он поручит ключи от своей сокровищницы, власть и управление, как не тому, к кому и сейчас он склоняется и внимательно слушает, кому он поверил заботы о своем убежище и пропитании? Мне, – он ударил себя кулаком в грудь, – мне, Иуде из Кариота!

Лицо Иуды вспыхнуло гордостью и тщеславием.

– А тогда, Мария, – он поднял обе руки, – я клянусь тебе, что сдержу свое слово... Как щедро распустилась твоя красота, такими же щедрыми будут для тебя мои руки. Ты будешь первой среди моих наложниц. На резном из кедрового дерева ложе, оправленном в золотые листья, с украшениями из меди, под пурпуровым балдахином ты будешь ожидать меня. Кедром покрою я стены твоей светлицы, а серебряные балки будут поддерживать потолок. Ловкие пальцы бесчисленных невольниц будут ткать день и ночь и украшать искусным шитьем твои одежды. Корабли из далеких стран, нагруженные всеми богатствами мира, на вздутых парусах будут стремиться к воротам твоего дворца; караваны верблюдов, стигаясь под выюками, склонятся у твоего порога. Не мелкими монетами, а золотыми талантами уплачу я свой долг... Ночи в наслаждении, а дни твои в пирах и веселье протекут.

– Иуда, Иуда, – с искренним сожалением заговорила Мария, – вечно сказки горят в твоей голове! Ты гоняешься за миражами, а твой выцветший плащ рвется в куски. Покамест ты весь светишься дырами, а не золотом. Но раньше, чем ты построишь мне свой дворец, Расскажи лучше, как живет теперь в Галилее. Луга, наверно, зеленые, словно изумруд. Мое голубое

озеро полно воды и рыбы, В голосе Марии послышалось искреннее волнение, а фиалковые глаза подернулись дымкой тумана.

Иуда угас и как бы сразу потемнел.

– Я обошел почти все озеро вокруг. Был я в Гамале, в Капернауме, в шумной Тивериаде, дольше задержался в Магдале... Навестил рощу и те тростники на берегу, помнишь?.. Трава там выросла высокая до пояса. А в той котловине, где мы мяли траву, стройные гиацинты, темно-белая таволга, лиловые ирисы расцвели вокруг. Бирючина вся покрылась купами белых цветов.

– Бирючина, говоришь? Почему ты не принес мне хоть одну ветку?

– Завяла бы от жары.

– Я освежила бы ее своими поцелуями.

– Мария! – простонал Иуда, и склонился над ней, от плаща его донесся до нее как бы запах вспаханных полей и сена, сохнущего на лугах. Мария закрыла глаза и, слегка отстраняя его, заговорила нервно, возбужденно:

– Жесткий плащ твой, жесткий, не хочу, такой жесткий.

Иуда одним взмахом сбросил плащ на пол и остался в короткой полотняной тунике-безрукавке, едва доходившей до колен; губы его дрожали, волосатая грудь тяжело вздымалась.

Мария искоса, опустив ресницы, смотрела на его загорелые ноги и дрожавшие, словно в лихорадке, мускулистые руки... Мелкая дрожь пробежала по ее спине, раскрылись, словно два лепестка, красные губы.

Иуда, что-то бормоча и повторяя ее имя, горячими руками искал пряжку, скрепляющую перевязь на ее бедрах.

Мария услышала глухой, похожий на рычание, полуглушенный стон Иуды, увидела горящие, жестокие зрачки, устремленные прямо в ее глаза, и почувствовала мощную тяжесть охваченного страстью огромного тела.

– Иуда! – хотела крикнуть она, но голос ее сорвался, Догорали фитили в подсвечниках, пробуждалась утренняя стража, уже близился рассвет, когда Мария проснулась от сладкой усталой дремы.

Она открыла глаза и долго смотрела на изрытое морщинами, обветренное, затуманенное лицо, на большой лоб, полускрытый спутанными волнистыми волосами, и ей казалось, что эта голова никогда не спит, что в этом мозгу и во сне не приостанавливается тяжелая работа и борьба кипящих мыслей.

Она толкнула его локтем, Иуда очнулся.

– Уходи, а то проснутся все в доме. Вот тут, – она достала из-под подушки горсть монет, – дай Деборе, а то мне будет стыдно за тебя.

– Ступай! – вырвалась она из его объятий. – Слышал?! – повторила она уже повелительным тоном, сдвинув брови, бледная и раздраженная.

Иуда встал, взял плащ, стянул покрепче пояс из невыделанной шкуры и, бормоча что-то, тихонько вышел из комнаты. Он остановился на минуту около спящей Деборы, пересчитал деньги: было четыре больших сребреника и несколько оболов. Обола он высыпал на платье спавшей рабыни, остальное спрятал за пазуху и виновато усмехнулся.

– Мне начинает что-то особенно везти, – подумал он, расправляя грудь и глубоко вздыхая.

Иуда остановился на галерее и хищным, угрюмым, в то же время повелительным взглядом окинул широко раскинувшийся горизонт, словно ища там, вдали, границы своего будущего воображаемого царства на земле.

Глава 3

– Воистину, – заговорил Симон, – услышанные вести заставляют о многом подумать. Наибольшего внимания заслуживает сообщение, что Иоанн, заключенный в темницу безбожным Антипой по проискам развратной Иродиады, сносится с Иисусом. Через учеников своих он спрашивал его: «Ты тот ли, который должен прийти, или нам ждать другого?» Ответ равви, правда, был уклончивый. Но если такой справедливый муж, как Иоанн, спрашивает... Иоанн на ветер слов не бросает...

Симон прервал и задумался, его поблекшие глаза заволокло туманом.

– До каких же пор будем мы ждать, до каких? – с рыданием в голосе страстно заговорил Лазарь. – Разве еще не наступило время, чтобы наша угнетенная родина породила того, который отразит недолю Израиля, сокрушит ярмо, разобьет цепи и вернет нам древнюю славу на высотах Сиона... Проходит день за днем – на гибель и поругание отдают нас враги наши.

Симон вздрогнул. Его старческое лицо покрылось глубокими морщинами, и, задышавшись, прерывающимся голосом, он заговорил:

– Да ослепнут они, да поразит их проказа, а крепости их, на которые они так надеются, уничтожит меч вражеский; поругание, голод и мор покроют их тучами своими. Трупы их растащат хищные звери, расклюют птицы лесные... Суров будет Господь в день ярости своей, когда обратит к ним свой гневный лик. Он пошлет на пути их гибель, пустыню и бездну морскую...

Симон остановился, руки его дрожали, из груди со свистом вырывалось прерывистое дыхание.

На бледном лице Лазаря вспыхнул слабый румянец, и он, всегда такой кроткий, нахмурился, глухо говоря:

– Иоанн угасает в темнице Махеро, опустошение и гибель идут не по их, а по нашим путям. Кто такой этот Иисус? Я хочу знать это, прежде чем умру.

Симон постепенно успокоился и, разводя руками, недоверчиво говорил:

– Удивительно странно начал свои действия этот юноша. По-видимому, он не назир, напротив, он ходит в веселии и радости. Говорят, что он нарушает субботу, правда, что он творит чудеса, но в то же время водится с мытарями и даже самаритянами, не сторонится грешников, утешает их, а не увещевает, и это в такое время, когда грехи и не правда всякая размножились, как саранча, изъели все, как ржавчина. Это очень скользкий путь, идя по которому легко упасть... Если это настоящий пророк, то воистину такого еще не бывало... Но если он не истинный пророк, то из всего этого родится только буря, новое волнение, и снова изболеется, исстрадается земля Иудейская, пока не исполнятся дни гнева Господня. По всей Галилее идет о нем молва: дети у городских ворот приветствуют его криками: «Осанна сыну Давидову», а он не останавливает их. Порашу и гафтору он так излагает, как не излагал никто до сих пор, хотя сам он редко посещает дома молитвы, а предпочитает собирать толпу вокруг себя под кровом небес, предвещает притчами скорое царствие небесное на земле... С ним ходят двенадцать человек приближенных, все это галилейские простаки, кроме одного Иуды из Кариота, Его присутствие удивляет меня и в то же время заставляет призадуматься. Иуда далеко не дурак!..

– Но Иуда редко ходит по путям правды, – заметил Лазарь.

– Я знаю об этом и вовсе не так уж охотно верю людской болтовне. Я решил сам отправиться в Галилею и собственными глазами, так много выдавшими на своем веку, повидать этого пророка.

– В Галилею! Я готов идти с тобой, – оживился Лазарь.

– Ты слаб, а путь далек.

– Можно взять мула, я поговорю с Марфой...

– Сдерживай речь свою, говоря с ней: у ней характер горячий и язык болтливый, а тут надо действовать осторожно и осмотрительно. Ведь мы еще ничего не знаем: будут ли слова равви древом жизни или всеразрушающим соблазном, словно самум пустыни, который внезапно налетает и так же внезапно исчезает!..

Сообразуясь с предостережением Симона, Лазарь объяснил свое намерение посетить Галилею желанием повидать родные места. Возражая на опасения Марфы, выдержит ли он такое утомительное путешествие, Лазарь придумал, что он видел сон, будто, если он напьется воды из источника Капернаумского, то покинет его болезнь. Относительно Иисуса, он заметил только, что там, кажется, находится чудесный пророк, который, как утверждает Иуда, излечивает даже от проказы.

– Так, может быть, взять с собой Марию?

– Марию? – восторженно воскликнул Лазарь, и ему показалось делом, совершенно не соответствующим, брать с собой в это до некоторой степени паломничество такую легкомысленную сестру.

– Нет, – ответил он, раздумывая, – если уж брать кого, так я предпочел бы тебя.

– Да я бы никогда и не отпустила тебя одного. Марию я хотела взять потому, что коль скоро этот Иисус...

– Этот Иисус будет царем! – раздался с галереи веселый, звучный голос. Иуда будет его казначеем и построит мне дом роскошнее дворца Соломонова, я лучше подожду, пока придут его нарядные послы, и вам советую...

– Мария! – сурово прервал ее Лазарь. – Речь твоя болтлива и легкомысленна. Ты скинула стыд с лица своего и вдобавок еще вмешиваешься в совещание мужей...

– Лазарь! – жалобно простонала Мария, Это впервые брат так сурово упрекнул ее.

А он, так любящий Магдалину, кротко посмотрел на нее и сказал;

– Скорбит сердце мое, ибо я знаю, что концом всякого веселья бывает обычно печаль, а ты слишком весела.

Мария убежала в комнаты. Лазарь постоял некоторое время, посмотрел несколько недовольным взглядом на Марфу, как бы ставшую причиной столкновения, и проговорил, покашливая;

– Приготовь все в путь. Симон идет с нами.

Но Лазарю, несмотря на его нетерпение, все-таки пришлось переждать несколько дней, прежде чем Марфа успела управиться с домашними делами, ибо ей приходилось, кроме приготовлений, связанных непосредственно с путешествием, позаботиться также и об остающемся хозяйстве. Она хорошо знала, что если бы даже сестра и хотела ей помочь, то не сумеет, а ее помощник, старый, верный слуга Малахия, по настойчивому требованию Лазаря, должен был идти вместе с ними и помогать им в пути. Наконец, на закате солнца, когда уже спала дневная жара, маленький караван двинулся в путь.

Мария проводила их до вершины горы Елеонской, Набожная сосредоточенность Симона и глубокая задумчивость Лазаря придавали этому паломничеству характер торжественного молчаливого шествия.

Чуткая Мария догадывалась, что какие-то необычные поводы заставляют брата предпринять свое путешествие и что его сон – это только предлог, придуманный для нее и сестры, «Не вмешивайся в совещание мужей!» – вспомнила она предостережение брата. Значит, они совещались! Интересно, о чем? Но она не смела спрашивать. Она впервые рассталась с родными на такой долгий срок, и ей было грустно и не по себе. Притом Мария чувствовала легкую обиду, что никто даже не спросил, не хочет ли она сопутствовать им.

Когда наступила минута расставания, на глазах Марии навернулись слезы, но суровая сосредоточенность Симона и его сухое «будь здорова!» удержали ее от рыданий. Она нежно расцеловала брата и сестру, прижалась губами к сморщенной руке старца, приветливо кивнула

головой Малахии и долго смотрела им вслед, пока они медленно спускались по крутой тропинке, скрылись за скалой Голубиной, мелькнули еще раз на пригорке и исчезли.

Когда Мария вернулась домой, то ее охватило чувство необычайной пустоты и непривычной тишины. Слуги куда-то разбежались, жернова остановились, замерли обычное движение и труд.

– И мне, пожалуй, не остается ничего другого, как перебраться к Мелитте, мелькнула у нее мысль, но она колебалась.

Мария знала, что в городе ее ожидают всякие соблазны, сопротивляться которым она не сумеет, да и притом было как-то неудобно сейчас же после ухода Марфы покидать все.

– Лучше некоторое время похозяйничать, – прошептала она и легла на ковер.

Между тем тишина в усадьбе становилась все более гнетущей. Медленно тянувшиеся минуты серой тоски нагоняли на нее необыкновенную вялость, и она лениво потягивалась, В комнате было так душно, что Мария сбросила одежду и сквозь прищуренные веки стала рассматривать свои белые ноги, синие жилки на руках и высокую грудь, прислушиваясь и каким-то неясным нашептываниям и нежным призывам.

Она закрыла глаза, некоторое время дремала как бы в полусне, потом очнулась, села на ложе, оглянулась кругом и потерла лоб.

– Что я буду тут делать? – задумалась она, взяла молоточек, поиграла им и, наконец, решительно ударила им в плитку. На стук немедленно явилась Дебора, Мария посмотрела на нее вопросительным взглядом и быстро проговорила:

– Беги к Мелитте и скажи, что мы переходим к ней, на долгое время.

– Уже сегодня? – обрадовалась Дебора.

– Вряд ли успеем, но постарайся вернуться поскорее.

Дебора выбежала, а Мария стала собирать различные предметы, с которыми она не любила расставаться: гребень из слоновой кости, хрустальную шкатулку с благовониями, ручное зеркальце в форме листа магнолии с большим рубином на ручке, вогнутую аметистовую гемму с магической надписью, нитку жемчуга, пару золотых ножных браслетов, соединенных цепочкой, чтобы ступать мелкими шажками и позванивать на ходу, и еще несколько мелочей.

Вообще было всего этого немного. Более роскошные наряды и драгоценности находились у гречанки.

Сложив все в эбеновую шкатулку, Мария приготовила себе на дорогу голубую хламиду из мягкой тонкой шерсти, белую накидку и черную вуаль.

– Не успеем сегодня, – подумала она, смотря на яркое зарево заката, быстро уступавшее место уже расстилавшейся в долинах ночи.

Было довольно темно, когда вбежала, запыхавшись, Дебора, с букетом пунцовых гвоздик, связанных золотым шнурком.

– Где ты пропадала так долго? – спросила Мария, погружая лицо в дар Мелитты.

– Останавливали меня по дороге все и спрашивали о тебе. Саул дал мне сикель, Тимон – динарий за добрую весть. Я получила две прекрасных ленты, Мелитта велела сказать, что будет ждать всю ночь, – болтала обрадованная Дебора.

– Как же! Пойдем впотьмах – еще ноги поломаем. Дождемся хоть рассвета. А ты запри сундуки. Повесь проветрить ковры, а прежде всего зажги огонь.

Дебора принялась за работу, а Мария развязала гвоздики, сплела их и пахучим венком окружила голову. Сильный аромат цветов одурманил ее, она вышла на галерею и залюбовалась ночью. Ночь была довольно светлая, хотя и безлунная. На безоблачном небе ярко сверкали звезды. Мария с любопытством следила за их мерцанием, обводя взглядом горизонт. Вдруг одна из звездочек сорвалась и блестящей синеватой полоской скатилась по небу. Мария следила за ней взглядом до вершины горы, где звездочка закатилась и как бы снова вынырнула в виде слабых огоньков. Огоньки эти мерно покачивались и заметно приближались к усадьбе.

Сердце Марии радостно забилося. Она поняла, что это факелы, а вскоре различила неясные силуэты людей и услышала звон струн.

– Песни будут! – обрадовалась Мария и притаилась за углом, чтобы ее не заметили.

Струны звучали все ближе и яснее, затихли на минуту около самого сада, факелы погасили, кто-то прокашлялся, зазвучала цитра и задрожала песня или, вернее, размеренный гимн:

«Прекрасны стены Иерусалима, роскошны башни этих стен, но ты еще прекраснее, Мария Магдалина, белая башня, могучая колонна в святыне любви.

Волосы твои – янтарь; кудри твои – кольца меди, зарево месяца, встающего из-за гор.

Опоясанная их пламенным заревом, ты станешь нагая на лугу, обратишь свое прекрасное лицо на запад, левую грудь на юг, правую на север, а белую спину на восток. И потянется к левой стороне лебединая стая, к правой – темнокрылые орлы, спереди придет косматый лев с огненными ноздрями, а к спине прильнет дрожащий гриф пустыни. И станешь ты на цветах среди зверей и птиц, царя красотой над всем твореньем.

Чело твое сияет, словно камни храма Господня, лицо, как лик херувимский, уста твои – лопнувший гранат, слаще плодов в садах Тира.

Жемчуг меркнет от белизны твоей шеи, тускнеет золото запястий на твоих прекрасных руках.

Прекрасны плащи во дворцах Ирода, но во сто крат прекраснее плащ твоих волос.

Роскошны краски цветов, но еще роскошнее цвет твоего тела, подобный блеску слоновой кости и снопам созревшей пшеницы.

Твои стройные ноги – опора трона.

Я слышу, как страсти вздымают твои перси, словно ветер надувает паруса, плывущие по морю этой ночи.

Допусти меня к ним.

Горит сердце мое от жажды! Если ты станешь, как город, то объятия мои, словно войско, обовьют тебя вокруг».

Голос задрожал, мелодия смешалась, и цитра внезапно умолкла.

Мария стояла, прислонившись к стене в сладком бессилии. В сердце ее загорелся огонь, но ее горячая кровь сразу затихла, когда она услышала звучное бряцанье многострунной кифары и веселый, свежий голос Тимона:

«Почему, – спрашивают у ручья женщины, – вода сегодня такая теплая, мягкая, ароматная, а белье, как снег, и блестящее, как солнце?

Потому что вверху в источнике купается Мария Магдалина... Согрелась вода от тепла ее груди, смягчилась под ее руками, пропиталась ароматом ее тела, осветилась блеском ее золотых кос.

Почему сегодня рыбы стремятся против течения? – спрашивают рыбаки, вытаскивая пустые сети.

Потому что вверху купается Мария Магдалина, и все рыбы сбегались любоваться чарами ее тела, тереться золотистой чешуей о ее белые бедра и играть с ее кудрями, когда она плещется в воде!

Почему так дрожат тростники, хотя и нет ветерка?..

Потому что вблизи купается Мария Магдалина, изгибает свои бедра, вытягивает свои белые руки и пляшет над водой, словно радужнокрылая стрекоза.

Счастливый ручей! Ты протекаешь через ее красоту и уносишь с собою ее прекрасное отражение к голубоватым волнам озера.

Когда ты родилась, Мария, не Геката, а Афродита бодрствовала над криком матери твоей, баюкали тебя хариты и явилась ты, розовая, как Эос, сияющая, как мрамор Тентеликона, роскошная формами, как Коринфская колонна, Почему ты держишь свои груди в золотой сетке? Выпусти их. Пусть, словно белые голуби, они предшествуют роскоши твоей фигуры.

Я знаю чудесный садик, где цветут красные маки... Я хотел бы упиться ими навеки: это губы твои, Мария Магдалина!

Я знаю среди белых лилий свитое из лепестков розы гнездо наслаждений. Там хотел бы я уснуть без сил...»

– И я также! – узнала Мария грубый голос Катуллия.

– Не мешай, – остановил его Сципион. «Амур, – продолжал Тимон, пристраивая свой лук на бедрах Марии Магдалины! Стрелы твои пробьют самый крепкий панцирь, самый мощный щит и попадут прямо в сердце. Ты угодил мне в сердце, и я пил бы тебя, Мария, как кипящее вино, носил бы, как плащ!»

– Но на руках., – прервал Катуллий.

– Не мешай, – отозвалась на этот раз Мария, выступая из угла.

– Эвоэ! – воскликнули юноши.

– Заря всходит! – с восторгом вскрикнул Тимон.

– Сейчас сойдет, – засмеялась Мария, сбежала вниз по лестнице, а за ней Дебора.

– Наконец-то мы выманили тебя, – окружили они ее.

– А где лектика? – спрашивала Мария.

– Вот она, – ответил Сципион, сплетая вместе с Тимоном руки, и они понесли Марию, охватившую их за шеи.

Октавий с факелом и Саул, игравший на цитре, пошли впереди. Сзади сопел Катуллий, который тотчас же стал ухаживать за Деборой так настойчиво, что та запищала.

– Оставь ее, а то она потеряет мою шкатулку.

– Что она хранит в ней? Добродетель?

– Не о добродетели ее я тревожусь, но о моих драгоценностях., Несите меня к Мелитте!

– Мы лучше отнесем тебя к себе!

– Не сомневаюсь, но она ждет меня.

– Мы тоже ждали.

– Я обещала ей, а не вам!..

– Я и без обещания приму, – забурчал Катуллий.

– Иди к Коринне, медведь! – ответила ему Мария. – Я выбрал там уже весь мед, а ты полна сладости, словно улей.

– Но и жал также...

– Жала мне не нужно, у меня есть свое. Все замолкли, пробираясь через Кедронский поток.

– Ну, а теперь будьте приличны: нас могут люди видеть...

Мария соскочила, обтянула платье и закрылась вуалью. Октавий погасил факел, и все повернули в извилистую улочку.

Когда они остановились перед белым домом, окруженным высокой стеной, Тимон застучал щеколдой. Калитка открылась, и все пошли по красному ковру, разостланному по случаю прибытия Марии. На пороге дома появилась бледная от счастья Мелитта, одетая в мужскую тогу. Она взяла Марию одной рукой под локоть, другою под коленку и торжественно ввела ее в комнату, украшенную цветами и устланную мягкими циновками. За ними последовала молодежь.

– Ах, эта тога, и эти ваши лесбийские обычаи! – возмущался Сципион.

– Третьего дня я видела, как ты ластился к накрашенному мальчику... уколола его Мелитта.

– А что же нам делать, коль скоро вы отталкиваете нас. Приходится помогать друг Другу.

– Ты в хорошую пору собралась к нам, Мария, – говорил Катуллий, – у нас будет веселье, пиры по случаю прибытия из Рима Деция Муция, богатого юноши из сословия всадников. Его милостиво отправляет к нам в изгнание декрет Тиверия.

– За что?

– О, это такая длинная история, что я могу ее рассказать только за кратером вина или с девушкой на коленях. Иначе – нет! – и Катуллий залихватски подбоченился.

– У него всегда одно и то же в голове, – постукивая себя пальцем в лоб, заметила Мелитта, но все-таки велела невольнице принести вина.

– Одно и то же, но всегда хорошее. Мой принцип: *carpe diem!* [*Лови мгновение (лат.).*] Единственные жертвы, какие я когда-либо приносил богам, это дар Бахусу и голубь Венере. За это они милостиво пекутся обо мне. А теперь слушайте, – начал Катуллий, поднимая полный калликс с двумя ушками и художественно сработанной ножкой, – погубила его женская... добродетель! Деций увлекся так же сильно, как я Марией, некоей Паулиной, женой Сатурнина. Но Паулина – увы! – была настолько глупа, что отвергла с негодованием не только его ухаживание, но и двести тысяч драхм, которые Деций предложил ей за одну короткую летнюю ночь.

Соппротивление Паулины до такой степени разожгло избалованного постоянным успехом у женщин Деция, что жизнь без нее показалась ему невозможной, и он решил открыть себе жилы в ванне. По счастью вольноотпущенница его отца и нянька Муция Ида, удивительно ловкая баба, захотела помочь своему питомцу и достигла-таки своего. Узнав, что, как Паулина, так и ее муж, пылают ревностной верой к богине Изиде, она подкупила за пятьдесят тысяч драхм верховного жреца богини, который явился к Паулине и заявил ей, что сам бог Анубис воспылал к ней жгучей страстью и призывает ее на любовное свидание. И муж, и Паулина были несказанно осчастливлены этой исключительной милостью.

Паулина принарядилась, умастилась благовониями и явилась в храм. Там она съела прекрасно приготовленный ужин, а потом, когда жрецы заперли двери и погасили огни, взошла нагая на роскошное ложе. Сейчас же голый, как и пристало богу, вышел скрытый за портьерой Деций и испытал воистину божественное наслаждение, ибо Паулина славится своей красотой, а полагая, что она имеет дело с самим Анубисом, изощрялась в самых изысканных ласках. Пробыв в храме с Децием целую ночь, Паулина вернулась домой сияющая и рассказывала мужу о неслыханно нежных ласках, какими одарил ее Анубис. Через несколько дней, когда она встретилась с Децием, юноша сказал:

– Благодарю тебя, Паулина, что ты сберегла мне сто пятьдесят тысяч драхм! Анубисом был я, и полагаю, что ни в чем не обманул твоих ожиданий...

И вот, представьте себе, что значит женская гордость! Паулина сначала ни за что не хотела верить этому, и только тогда, когда он ей рассказал подробно все переживания этой ночи, назвал самые тайные признаки, которые он чувствовал на ее теле, она, не столько возмущенная лукавством и хитростью (сама в душе, наверно, рада была всему этому), сколько задетая в своем самолюбии, что это не был настоящий Анубис, рассказала обо всем мужу, Сатурнин пожаловался цезарю. Тиверий велел Иду распять на кресте, храм разрушить, а статую Изиды утопить в Тибре. Деция он покарал изгнанием, но я полагаю, что недолгим, ибо, как известно, Тиверий весьма снисходителен к такого рода человеческим слабостям, и – да продлят боги за это его жизнь как можно дольше! – с приездом Муция начнутся зрелища и пиры. Марий первый устраивает в его честь пир; мне он поручил пригласить гостей, и я приглашаю вас. Выпьем за счастливую идею; ты, Саул, сыграй нам, а мы пока устроим святилище Изиды. Мелитта будет Идой, Мария – Паулиной, а я согласен быть Анубисом.

– Хорошо, но сначала внеси Мелитте пятьдесят тысяч драхм! – весело сказала Мария.

– Я не хочу... – с притворной тревогой защищалась Мелитта. – Вы еще потом на самом деле распнете меня!

– Знаешь, чернушка, на кресте я бы тебя не распял... но на ложе – да... обнял ее Сципион и шепнул ей на ухо:

– Пойдем, я дам тебе двести!

– Нет! – ответила Мелитта и взглянула на Марию.

– Пятьдесят тысяч! – схватился за голову Катуллий. – Да я отдал бы вдвое больше, если бы только они у меня были, а сейчас все мое состояние заключается в одном оболе, зашитом в пояс, да и то по совету Тимона. Он уверяет, что этот обол может мне пригодиться для того Харона, который, согласно греческой вере, перевозит умерших через реку... Пойдемте отсюда, они готовы нас всех разорить!

– Ну, какой же ты Анубис! – смеялась Мария. – Мы приговариваем тебя к изгнанию! Выведите его! – обратилась она к мужчинам, Юноши с трудом стали выталкивать из комнаты тяжелого Катуллия. Наконец все вместе выкатились за двери. Ловкая Мелитта воспользовалась этим и задвинула засов. Молодые люди стали стучать в двери, но видя, что ничего не добьешься, ушли. Пение и музыка отдалялись, затихли, наконец, замолкли совсем.

– Ушли, – заговорила глухим тоном Мелитта. Медленным движением она спустила свою тогу на пол и нагая стояла перед Марией, смотря блестящими глазами в заалевшее лицо подруги.

– Наконец! – вскрикнула она и бросилась на грудь Марии. – Я так тосковала о тебе, я видела тебя во сне, – говорила Мелитта, задыхаясь и расстегивая пряжки аграфа на плече Марии.

– Погаси огни, – шептала Мария изменившимся голосом, пытаясь освободиться от ее объятий...

– Темно будет.

– Я буду светить тебе собой, – ответила взволнованная Мария, сбрасывая сандалии. А когда огни погасли, то она сбросила одежду и действительно сияла при блеске звезд и луны розовым телом.

Мелитта прижалась к ней, а Мария, прижимая ее к сердцу, говорила с трогательной лаской:

– Ты такая маленькая и худенькая, что часто кажешься мне не девушкой, а моим ребенком.

– Дитя голодно! – ласкалась гречанка, покрывая поцелуями тело Марии.

– Целуй меня... еще... еще... – шептала Мария, спазматически дрожа. Она распростерла руки, упала на ложе и раскинулась на пушистом ковре.

Мелитта, дрожа как в лихорадке, словно слепая, блуждала горящими поцелуями по телу Марии. Сплелись их руки и ноги, спутались волосы, и казалось, что на ложе покоится одно вздрагивающее тело, только слышались во мраке прерывистое дыхание да дуэт страстных вздохов и нервного шепота.

Поздно уже было, когда в комнате стало тихо и обе они заснули усталые, спокойные и нежные, и черная головка Мелитты, прижавшаяся к роскошным плечам Марии, казалась ласточкой среди крыльев белого голубя.

Глава 4

На горе Безет, в обширном и красивом дворце Мария, шел пир в честь Деция. Просторный триклиний был ярко освещен висевшими по углам художественно отлитыми из бронзы канделябрами и спускавшимися с купола на медных цепочках цветными лампочками. Их свет играл на мозаичных плитах пола и скользил по прекрасным фрескам, изображавшим на одной стене охоту Дианы, а на другой похищение сабинянок.

В глубине залы нарочно для этого дня была устроена легкая эстрада для выступления фокусников, музыкантов и танцовщиц. Посредине зала стояли два стола на девять человек каждый.

За главным столом, *lectus medius*, на самом почетном месте, так называемом *locus consularis*, полулежа и левой рукой опираясь на узорчатую подушку, находился Деций Муций – молодой стройный мужчина с правильными холодными чертами красивого сенаторского лица. Его туника с узкой пурпуровой каймой и гладкое золотое кольцо указывали, что он принадлежит к сословию всадников.

Обед уже был почти окончен. На столе стояли еще серебряные блюда, полные фиников, миндаля, орехов, слив, апельсинов, гранат и самого разнообразного печенья, которого уже никто, собственно, есть не хотел. Начиналась попойка, и рабы приносили кувшины с вином, меты которых, указывающие на происхождение и давность вина, осматривал Катуллий, единогласно избранный *arbiter bibendi*. Выбирал долго и, наконец, как знаток велел обнести гостей амфорой фалерна эпохи Юлия Цезаря.

А когда вино было уже разлито в чаши, он с важностью произнес:

– Этому кувшину без малого столько лет, сколько мне и этой бабе вместе, Катуллий похлопал по могучим плечам полную брюнетку, которая уже пересела от другого стола на его ложе и, жалуясь на жару, сбросила с себя пеплум, оставшись в коротком хитоне до колен, открывшем ее высокую грудь, широкие плечи и круглые белые руки.

Это была Коринна, известная своей распушенностью гетера, по происхождению римлянка, с которой Катуллий растратил все свое имущество и теперь часто пользовался ее богатой шкатулкой, а нередко и ее еще более богатыми формами.

– Что же это за вино? Или оно плохо, или ты уж очень стар, – сдвинула Коринна свои сильно подчеркнутые брови.

– Не очень стар, коль скоро ты не пренебрегаешь им, – рассмеялся военный трибун Веспазий.

Коринна смерила его с ног до головы вызывающим взглядом и сказала:

– Я не пренебрегаю никем. А то, что я умею его расшевелить, это уже не его, а моя заслуга. Зайди ко мне, воин, и ты убедишься, что я больше стою, нежели молодая, но малоопытная девушка...

Любовь – это искусство, которое познается с течением времени, а я изучила уже все тонкости этого искусства. И даже нашла новые пути, от которых ты будешь дрожать, как лист, хотя бы и находился в полном вооружении.

– Не советую тебе. Ты можешь встретиться там с целой толпой твоих подчиненных, – уверял Сервий, прогнанный Коринной после первого же визита, намекая на всем известную привычку ее, за отсутствием гостей, приглашать шатающихся по городу гладиаторов и солдат.

– Оставьте ее в покое, – вмешался Катуллий, – у нее кровь более горячая, нежели это вино, что, по моему мнению, большое достоинство. Ее распушенность действительно не знает границ, но в этом видны большой талант и блестящая изобретательность. А что касается того, что она немножко слишком полна и грудь ее шлемом не закроешь, то – что кому нравится,

во всяком случае лучше подушка, нежели сухая доска... И поверь же мне, что она бела, как кипень, крепкая, твердая и очень добросовестная.

– Ого, – засмеялась Коринна, – у Катуллия несомненно нет денег! Тебе незачем ни защищать, ни хвалить меня, Я все это сама сумею сделать. Скажу только одно, что лучше иметь слишком много, чем слишком мало. А Сервий, именно в самом важном месте, отличается большим недостатком, и притом недостатком невознаградимым!

Раздался смех, и громче всего смеялись девушки, которые, следуя примеру Коринны, стали переходить на ложе мужчин. Один только Деций оставался одиноким на своем ложе; все понимали, что ему предназначена Мария Магдалина, но она не трогалась с места. Ее злило холодное спокойствие изящного патриция, с небрежной улыбкой смотревшего на все и как бы оказывавшего милость своим присутствием.

Действительно, придворные, но несколько надменные манеры приезжего гостя стесняли присутствующих.

Пир прошел довольно скучно, и только столкновение Сервия с Коринной, а затем вино оживили всех, Становилось все шумнее и веселее, со всех сторон слышались двусмысленные шутки и бесцеремонная возня.

Полупьяная Коринна забралась на колени Катуллию и ошипывала губами венки из роз на его голове. Сципион искал в хитоне Мелитты кольцо, которое он забросил ей за грудь, а пьяный Октавий, положив голову на колено Глафиры, умолял ее, чтобы она вышла с ним в сад.

Между тем по знаку Мария началась мимическая представления.

На эстраду вбежали четыре обнаженные молоденькие девушки, наряженные вакханками, с венками из виноградных листьев, с жезлами, обвитыми плющом с шишкой на конце, и, ударяя тирсами в тимпанионы, стали танцевать какой-то безумный танец, высоко поднимая ноги. Их окрашенные в рыжеватый цвет короткие кудрявые волосы вились словно огненные языки вокруг бледных лиц с вызывающе глядевшими почти детскими, но уже греховными глазами.

Девушки схватились за руки, закружились и с визгом разбежались в разные стороны. На середину сцены выскочил одетый в шкуру с маленькими рогами и козлиными ногами, смешной, с неловкими сладострастными движениями сатир и стал гоняться за девушками. Сатир не мог удержать ни одной. Гибкие, намазанные оливковым маслом тела ускользали у него из рук.

Каждый раз, как только ему удавалось поймать какую-нибудь вакханку, остальные били его жезлами по плечам и ударяли бубнами по рогам.

Сатир жалобно блеял по-козлиному, наконец, измученный, присел и стал печально наигрывать на своей свирели.

Вакханки убежали, а вместо них появилась нимфа, весьма недурная рослая девушка. Она медленно направлялась к играющему, словно зачарованная его музыкой. Сатир играл все более трогательно и нежно, поглядывая на нее исподлобья, потом внезапно вскочил на ноги, схватил девушку, перекинул ее головой вниз и со сладострастным видом унес со сцены.

– Виват, давай ее сюда! – кричал Катуллий.

– Тише! – ударила его по губам Коринна, ибо на сцене уже появилось два эфеба, причесанных по-женски, поддурмяненных и в женских одеждах, и две лесбиянки в тогах с коротко остриженными волосами, Они ловко и изящно разыграли пантомиму любви.

– Этого удовольствия я не понимаю, хотя даже Платон... – заговорил Катуллий.

– Не мешай! Слышишь, играют... – снова остановила его Коринна, весьма любившая различные зрелища.

Раздались звуки цитры и флейты. На эстраду вышла финикиянка, худощавая, высокая, гибкая, с острыми грудями и продолговатыми глазами. Она была почти нагая, только от пояса спускалась масса разноцветных лент.

Финикиянка подняла над головой два небольших бубна с колокольчиками и, ударяя их друг о друга, стала извлекать из них какие-то задорные звуки, высоко вскидывая то одну, то другую ногу. Стала на руки и, сильно изгибаясь назад, ловила губами бросаемые ей плоды и мелкие деньги, прошлась таким образом несколько раз по сцене, внезапно согнулась, словно лук, и, повернувшись в воздухе, стала на ноги.

Товарищ ее, в белом камисе с узкими рукавами, стоявший до сих пор неподвижно, выступил вперед, достал два обруча, обернутые паклей, укрепил их на сцене и зажег, финикиянка с разбега бросилась головой вперед и пролетела сквозь пылающие обручи.

Потом, когда огонь потух, она одним прыжком очутилась на голове мужчины и своеобразная колонна, покачиваясь в такт музыке, удалилась под гром рукоплесканий.

Наступила пауза, Марий вышел и узнал, что приглашенные им танцовщицы не прибыли. Желая спасти положение, он позвал на помощь Тимона, подошел к сидевшей вдали Марии и стал с жаром что-то объяснять ей. Она долго качала отрицательно головой, наконец, сказала:

– Хорошо.

Марий с трудом прекратил шум в зале и торжественно возвестил:

– Мария Магдалина согласилась танцевать.

– Эвоэ! – раздались крики.

Мария встала и, улыбаясь, сопровождаемая взглядами гостей, вышла, чтобы переодеться, вернее, раздеться.

Тимон, любивший Магдалину любовью поклоняющегося красоте художника, выступил на середину залы и, ударяя по струнам кифары, провозгласил в честь ее хвалебный гимн:

«Ароматна, словно рай, и прекрасна, словно цветущий луг, краса Магдалины. Пусть пасутся на ней очи людские, пока не успела еще затянуть ее белая осенняя паутина и выкосить время.

Будем веселиться, пока не увянем, ибо краток свет жизни, долгая и печальная ночь ждет нас за Стиксом и Ахероном, а за Летой забвенье. Будем тратить ради Магдалины, пока есть еще время, все, кроме последнего оболла для уплаты Харону, Уста ее красны и упоительны, как вино из Самоса, сладки, как мед Гимета. Тело ее гладко и светится жаркою кровью, словно зажженная оливка. Ее белые гибкие руки, словно повилика, обвивают мужей, приводя их в безумие.

Словно четвертая Харита, она – воплощение очарования, счастья, веселья и изыска. Достоин богов-олимпийцев тот пир, на котором танцует она прекрасная возлюбленная муз».

Он прервал, потому что запели гусли и арфы, зазвенели тамбурины, заклекотали кастаньеты и на эстраду влетело как бы облако красок.

Это была Мария, окутанная прозрачными вуалями. Ее тело как бы мелькало в синеватом тумане, проглядывало сквозь красные солнечные облака, укрывалось в лазури вспененных волн, переливалось в полосах многоцветной радуги. Словно языки пламени, обвивались вокруг нее слабо связанные локоны, рассыпались ручьями искр, заливали ее кипящей смолой, опоясывая вокруг янтарными кольцами. Как белые мотыльки, белели ее высоко поднятые руки, сияло розовое лицо, горели, как звезды, лазурные глаза.

Казалось, что она плясала на одном месте. Танец ее не заключался в движениях ног, но в плавном колебании всего тела. Это были неуловимо меняющиеся позы божественно прекрасной девушки, пластически выражавшие историю любви.

Боязливый жестом своих белых рук, позой, выражавшей тревогу, опущенными ресницами она передала первый, нежный, волнующий момент девичьей стыдливости. Затем полусонно закрыла глаза, томно вытянулась, изгибаясь в бедрах, полураскрыла для поцелуя пурпуровые губы и, подхватив руками свои легкие одежды, стала танцевать медленно, плавно, кокетливо, а потом все быстрее и быстрее, пока не закружилась.

Охваченная безумием и страстью, она словно плыла в ярком зареве своих огненных волос и развевающихся вокруг нее ярких вуалей. Внезапно Мария на миг приподнялась на пальцах, как бы размахивая в воздухе яркими крыльями, а затем стала постепенно успокаивать и замедлять свои быстрые движения.

Медленно одна за другой обвивались и укладывались на ее теле нежные ткани вуалей. Мария остановилась, глубоко вздохнула; широко открыла глаза и обвела всю залу смелым взглядом женщины-царицы, сознающей свою красоту. Ее блестящие глаза, яркие пылающие губы и страстные движения всего тела выражали пылкое желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.